

АЛЕКСАНДР ГОРИН

МЕНТАЛИСТ

Александр Горин

Менталист

«Автор»

2026

Горин А.

Менталист / А. Горин — «Автор», 2026

Я был элитным оперативником Центра психической безопасности, погиб на операции и оказался в теле унижаемого аристократа в ослабевшем роду. В этом мире магия разума и воли — основа власти, а мое сознание — аномалия, за которым охотятся Тайная Канцелярия и Волевые дома. Ошибаетесь, господа. Охотиться буду я.

© Горин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Горин

Менталист

Название: Менталист

Автор(-ы): Александр Горин

Ссылка: <https://author.today/work/509092>

Глава 1

Я очнулся от того, что сработал мой эмпатический радар. Два цветковых пятна в темноте. Одно яркое и колючее, другое тусклое и пульсирующее. Приближаются ко мне, сейчас войдут.

Я быстро открыл глаза, осмотрелся. Я лежал на жесткой кровати, укрытый грубым одеялом в маленьком комнате с бревенчатыми стенами. Странно, помещение не знакомое. Тело чувствовалось слабым, чужим, голова отдавала тупой болью.

Дверь с громким скрипом отворилась. Первым вошел пухлый молодой парень с мясистым румяным лицом и маленькими глазами. Из-за его плеча выглядывал еще один гость — худой и высокий, с торчащими в разные стороны волосами и пугливым взглядом.

Оба одеты в темно-серые кафтаны грубой фабричной ткани, сапоги с высокими голенищами. Странно, такую одежду перестали носить больше века назад.

— А, наш тупой проснулся, — громким и неприятным голосом протянул румяный, подходя к моей кровати. — Два дня валялся, как бревно. Думали, что отдал концы.

Я не ответил, а просто смотрел на него, изучая. Агрессия. Презрение. Желание самоутвердиться.

— Чего уставился, пустоголовый? — он скривился и грубо толкнул меня в бок. — С постели тебя поднять, дармоед? Барин приказал встать и явиться.

Его толчок пришелся точно в больное место и тело пронзила острая, колющая боль. Гнев вспыхнул во мне холодным, чистым пламенем, но я не двинулся с места. Эмоции — это топливо, а не руководство к действию.

— Ваня, он как будто не в себе, — неуверенно проговорил второй слуга.

— Помолчи, Петро. Он просто еще не отошел, — буркнул Иван и снова ткнул меня, уже сильнее. — Ну, поднимайся!

Повторная агрессия. Нейтрализовать. Активировать Шепот.

Я сосредоточился на его эмоциях, на его чувстве превосходства и глубинном страхе и взял его собственный страх и усилил его в сотни раз. Иван вдруг замер, его глаза округлились. Самодовольная ухмылка сползла с его лица, сменилась растерянностью, а затем и чистым, животным ужасом. Он резко отдернул руку, как от огня.

— Как? — прошептал он. — Что это?

Он смотрел на меня, и в его взгляде было непонимание. Он чувствовал, как внутри него поднимается что-то темное и липкое, очень и очень страшное.

— Отстань от него, — резко сказал Петро, оттягивая Ивана за рукав. — Пошли.

Но Иван не двигался. Он смотрел на меня, и по его щекам текли слезы.

— Прости, — выдавил он, и его голос сорвался на шепот. — Я не хотел.

Петр смотрел на эту сцену с растущей паникой. Он ничего не понимал, но видел, как его наглый товарищ превратился за секунду в испуганного ребенка. Я медленно, с большим усилием сел на кровать.

— За дверь, — сказал я тихо. Мой голос прозвучал хрипло и непривычно.

Петр почти выволок ошеломленного Ивана из комнаты. Дверь захлопнулась и я остался один. Руки дрожали, в висках стучало. Странно, даже такая базовая техника давалась мне сейчас слишком тяжело.

Я сидел и смотрел на свои тонкие, бледные руки. Сжал пальцы в кулак. Мышцы напряглись, но слабо. Ноги тоже слишком худые, не мои. Тело чужое?! И тут в голове потекли чужие воспоминания, которые никак не стыковались с моим собственным “я”.

Так. Меня зовут Алексей Воронцов, оперативник Центра психической безопасности, позывной Ясень, сорок три года. И в то же время как будто чужая память говорила мне, что я никакой не Алексей Воронцов, а Ярослав Нестеров, и мне восемнадцать лет.

Очень похоже на внешнее воздействие на разум. Такое в своей работе я видел каждый день. Я начал штатную очистку сознания от ментальной программы. Отделил фоновый шум воспоминаний от ядра сознания, но чужеродной программы так и не обнаружил.

Я закрыл глаза, погружаясь в чужие воспоминания. Картинки всплывали обрывками.

Унизительная встреча с отцом. Холодный взгляд. «Хоть бы женитьбой своей принес каую-то пользу, Ярослав».

Старший брат Владимир. Его насмешливый смех.

Экзамен в Академию Волеведения. Я стоял перед каким-то кристаллом, а он оставался мутным и темным. Полное отсутствие дара. Смех окружающих.

И последнее. Пьяный загул. Падение с лошади. Удар головой. Темнота.

А вот моя настоящая память говорила совершенно другое. Это была операция "Феникс" по зачистке группы телепатов-диверсантов на объекте "Зенит". Враг пытался вывести из строя стратегический командный центр через ментальный канал, а мой Центр психической безопасности при Совбезе получил приказ на нейтрализацию.

Мы почти победили в ментальном сражении, но они в последний момент задействовали самоуничтожающийся пси-конструкт, способный поглотить сознание жителей целой пятиэтажки. Команда получила приказ на отход, а я остался прикрывать, направив весь свой потенциал в эпицентр. Последнее, что я увидел и почувствовал — белый свет и распад собственного сознания.

Потом тишина и вот я здесь. И почему-то под другим именем.

Похоже, что я занял тело, которое было обречено. У нас, в Центре психической безопасности, каждому устанавливали ментальный протокол "Феникс", который срабатывает автоматически при угрозе жизни и перекидывает сознание в ближайшее доступное тело. Похоже, что сейчас сработал именно этот протокол. Правда, меня не инструктировали, что, кроме точки в пространстве, может смениться и время.

Как бы это ни называлось, факт оставался фактом. Судя по моему внешнему виду и голосу, чужим воспоминаниям и недавним визитерам, я больше не Алексей Воронцов. Я — Ярослав Нестеров. Хорошо, работаем с тем, что есть.

В этот момент я почувствовал чужое сознание рядом и ментальный щит сомкнулся вокруг разума автоматически.

Дверь снова открылась. На пороге стоял молодой человек лет двадцати с небольшим. Хорошо одетый, с холодными, оценивающими глазами. Его лицо было мне знакомо - Владимир, старший брат. Мы молча смотрели друг на друга несколько секунд.

— Ну что, братец, — произнес он. Голос был ровным, в каждом слове чувствовалась насмешка. — Ванька с Петькой выбежали отсюда, будто их гнал сам черт. Чем ты, ничтожество, сумел их так напугать?

Он сделал паузу, изучая мою реакцию и тут же я почувствовал легкое давление. Слабый, но настойчивый ментальный щуп. Он проверял меня в надежде увидеть мой страх или стыд, чтобы в очередной раз унизить, ведь мое существование бросало тень на его совершенство. Типичная примитивная психология слабого человека.

Внезапно из глубин чужой памяти поднялась волна жгучей обиды. Годы насмешек, унижений. Она была такой сильной, что я едва не поддался ей. Гнев закипел в крови.

Подавить. Дышать. Эти эмоции не мои. Это эхо старого Ярослава. Но подавить их было непривычно трудно, тело задрожало и мне потребовалось для этого сильно напрячь волю.

— Хотя чего это я, — он фыркнул и щуп исчез. — Тебя проверять, все равно что воду в ступе толочь. Пустота она и есть пустота.

Дальнейшее непротивление было тактически неверным. Позволить себя унижать — значит закрепить за собой роль жертвы. Сейчас нужно установить новые границы и продемонстрировать, что цена издевательств резко возросла.

Я сумел подняться на ноги и вонзил свой взгляд в его глаза.

— Иван и Петр внезапно осознали свое место, — произнес я ровным, бесстрастным тоном. — Тебе стоит последовать их примеру.

Реакция была мгновенной. Его ухмылка сползла с лица, сменившись ошеломленной пустотой.

— Ты что это... — начал он, но я уже действовал.

Щуп. Сканирование. Найти слабость.

Мой ментальный щуп, отточенный в тысячах операций, был на порядок тоньше. Я нашел его слабое место — глубинный, тщательно скрываемый страх не соответствовать ожиданиям отца, но именно в этот миг тело предало меня и я пошатнулся. В висках взорвалась адская боль, кровь ударила в уши и я почувствовал, как из носа потекла кровь. Концентрация была потеряна.

Владимир, почувствовав мое внезапное ослабление, воспрял духом. Его лицо исказилось неподдельной яростью.

— Ах так! — прошипел он. — Значит, ты не совсем пустой!

Его ментальная атака обрушилась на меня структурированным потоком. Передо мной возник призрачный, расплывчатый образ — он сам, но в доспехах, с огромным мечом. Иллюзия давила на восприятие, пытаясь посеять панику.

Примитивно. Не сравнить с теми пси-конструктами, которые мы громили на объекте "Зенит".

Активировать ментальную защиту «Кокон». Мой ментальный щит сработал на инстинктах.

Но Владимир не остановился, вслед за иллюзией последовал короткий, мощный ментальный удар. Он был похож на удар кувалдой по всему телу сразу. Мой щит затрещал, и я отшатнулся, едва не падая. По телу пробежала волна тошноты.

Локальный прорыв.

Ярость. Бешеная, кипящая ярость на слабое тело затопила меня. Я вгрызся в пол взглядом, сжал кулаки. Держать строй!

— Что, братец, не нравится? — Владимир ухмыльнулся, почувствовав превосходство. — Это и есть настоящая сила. Не то что твои жалкие фокусы.

Он сделал шаг вперед, и я ощутил, как на мою волю ложатся невидимые, но очень осязаемые оковы. Давление нарастало, мышцы налились свинцом, дыхание стало затрудненным.

— На колени, — скомандовал он, усиливая давление.

Глава 2

Неприятно, но не критично. У нас в Центре психической безопасности подавляли сильнее. Прямая конфронтация нецелесообразна. Его ментальный барьер энергетически плотен. Искать обходной путь.

Я перенаправил усилие. Мой «Шепот» нашел микротрещину — тщеславие и его жажду признания и я сразу усилил это чувство. Эффект был мгновенным. Владимир вдруг выпрямился, его лицо озарилось горделивой уверенностью.

— Да, отец прав, я настоящий наследник нашего рода, — пробормотал он, его взгляд стал отсутствующим.

Концентрация противника снижена, давление ослабло. Идеальный момент для контратаки.

Но в этот момент мое сознание на долю секунды сместилось. Я увидел комнату его глазами, почувствовал его мышечную память, напряжение в ногах.

Интересно. Это не просто эмпатия, это похоже на ментальный хакинг. Присвоение сенсорного опыта. Такого я до этого не умел. Хорошо, будет новый эффект в моем арсенале.

Использовать его для удара, применить «Молот».

Используя полученные данные, я обрушил удар не прямо в щит, а в точку его соединения с сознанием — ту самую опору воли, которую я только что ощутил.

Владимир ахнул и отпрянул. Его барьер затрещал, но выстоял. И я почувствовал ответный импульс, похожий на автоматическую контратаку при повреждении щита.

Слабый, но ощутимый укол прошелся по нервам. Интересный защитный механизм. Изучить.

— Довольно! — прогремел он, но в его голосе впервые прозвучала неуверенность.

Он попытался отгородиться ледяным безразличием, но уже было поздно, момент был упущен.

И тут в ментальное пространство врезался чужеродный сигнал. Холодный, безразличный, нечеловеческий. Я напряг волю, но атаки не последовало — он просто сканировал нас с отстраненным любопытством. Я разделил сознание, как делал это сотни раз в Центре. Одна часть продолжала держать оборону, анализируя чужеродный сигнал, а другая сосредоточилась на Владимире.

Углубить сканирование. За его страхом и тщеславием я нашел нечто иное — чужую ментальную структуру, тонкую программу, вплетенную в его сознание. Она подпитывала его высокомерие, направляла его презрение именно на меня.

Интересно. Внешнее воздействие. Манипуляция, о которой он не догадывается. Мой ментальный удар "Молот" обрушился на эту самую чужеродную структуру в его сознании точечным, сфокусированным ударом.

— Ты всего лишь марионетка, — произнес я, вкладывая в слова всю холодную ярость Ясеня. — Кто дергает за твои ниточки, братец?

Владимир вздрогнул от моего вопроса. Я чувствовал, что исчезла подпитка его высокомерия, и он увидел себя таким, каким был — напуганным юношей, пытающимся соответствовать ожиданиям.

— Что ты сделал? — прошептал он, отступая к двери. — Что со мной?

В его глазах читалась паника. Чужая ментальная программа разрушена. Я еще раз просканировал его сознание и выжег остатки программы.

— Запомни, — ледяным тоном проговорил я. — Следующий раз кончится для тебя хуже. Он выбежал из комнаты, даже не пытаясь сохранить достоинство.

Я сразу же переключил все ресурсы на анализ чужеродного сигнала. Он все еще висел в ментальном пространстве — холодный, безэмоциональный. Не человек. Не известный мне тип пси-конструкта.

Но тут сигнал внезапно исчез. Бесследно. Как будто его и не было.

Источник я не успел засечь, но одно было ясно точно: кто-то наблюдал за нашей схваткой. Так, это новая переменная в уравнении. Неизвестный игрок, которому интересен не сам я, сколько мои ментальные возможности.

Нужно действовать быстро, пока этот неизвестный не решил вмешаться снова. Нужно поговорить с отцом.

Я откинул одеяло и встал на ноги. Пол под босыми ступнями был холодным и шероховатым. Тело отзывалось слабостью, голова гудела. Приказать телу подчиниться. Я умел заставлять свое туловище выполнять мои приказы через телесные “мне больно, не хочу, устал”. Точнее, умел старое тело заставлять, но и этой оболочке придется подчиниться.

Я вышел в узкий, темный коридор на чердаке и двинулся к крутой лестнице вниз. Да, чердак явно не использовался для жилья. Но я в качестве младшего сына жил именно тут в маленькой комнате. Во мне активизировалась обида старого владельца на такую несправедливость. Чужая эмоция. Подавить.

Гася мешающие эмоции я спустился вниз, каждая ступенька жалобно скрипела под моим весом. Спуск требовал концентрации, ноги в новом теле не слушались как следует.

Внизу открылся вид на прихожую. Огромное потемневшее зеркало в золоченой раме отразило мою новую внешность — худого юношу с бледным лицом. Оболочка, не я. Слабый, требуются силовые тренировки. Высокий, правильные черты лица. Женщинам такое нравится — учесть при контактах.

Память бывшего владельца тела подсказывала дорогу обрывками ощущений. Чувство страха, исходившее от двери в конце коридора.

Я прошел по коридору, мои шаги глухо отдавались в пустоте большого дома. Дверь была приоткрыта. Я толкнул ее и вошел.

Сразу в нос ударил запах — смесь старой пыли, воска для мебели и застоявшегося воздуха. Комната была погружена в полумрак, тяжелые портьеры наглухо закрывали окна. Единственный источник света — огарок сальной свечи на массивном дубовом столе, заваленном кипами пожелтевших бумаг.

За столом сидел отец моей физической оболочки. Григорий Вячеславович Нестеров. Сканировать.

Мое эмпатическое поле провалилось в болото Нестерова. Густая, вязкая апатия, под которой клокотала глухая, застарелая боль.

Он не повернулся, не поднял головы, а просто сидел, уставившись в одну точку на столе. Его мощная, некогда богатырская фигура теперь казалась застывшим изваянием. Пальцы его правой руки монотонно теребили массивный перстень с фамильным обсидиановым гербом.

— Здравствуй, отец, — произнес я. — Петр сказал, ты хотел меня видеть.

Он медленно повернул голову. Его глаза, стальные и потухшие, скользнули по мне без интереса. Оценка. Магию разума не использует.

— А, ты... — его голос был глухим и усталым. — Владимир уже был тут. Сообщил, что ты проявил несвойственную тебе стойкость. Опозорил его перед слугами.

Я почувствовал, как в груди закипает чужая обида. Годы унижений, пренебрежения, взглядов, полных разочарования. Это тело помнило все. Чужая эмоция. Подавить.

— Он попытался применить «Цепь повиновения», — сказал я ровным голосом. — Я не позволил.

Григорий Вячеславович тяжело вздохнул, словно даже это простое действие требовало от него усилий.

— Надоели вы оба. Вечные склоки. Решайте свои споры без меня.

Я стоял молча, наблюдая. Аккуратная борода. Безупречный, но архаичный кафтан. Перстень, который он бесцельно вращал на пальце.

Вдруг его пальцы замерли. Внимание, смена паттерна.

Он медленно повернул голову, и его взгляд стал пристальным. Он вглядывался в меня, и в глубине его глаз что-то шевельнулось. Холодный, аналитический интерес.

Я почувствовал легкое давление на границе своего сознания. Сканирование. Оценка угрозы. Он применял базовую технику ментального зондирования — не грубый взлом, а осторожное «простукивание», проверку поверхности.

Тактика: полное не сопротивление. Подставить память Ярослава. Скрыть ядро.

Я тут же ослабил все внутренние барьеры, позволив потоку его воли проникнуть внутрь. Но не к себе. Я вывел его на периферию сознания — к хаотичным воспоминаниями Ярослава, к его обидам, страхам, к той самой унижительной сцене с братом. Я стал зеркалом, отражающим лишь то, что он ожидал увидеть — слабого, запуганного юношу.

— Стоишь ровно, — произнес он тихо, и в его голосе пропала привычная усталость, сменившись ровной, безжизненной интонацией. — И смотришь не так, слишком уверенно.

Его шуп стал настойчивее. Он искал трещину, аномалию. Но нашел лишь знакомую, жалкую картину, слегка прикрытую неестественным для Ярослава спокойствием. Легенда держится. Он видит то, что хочет видеть.

Стратегия подтверждена. Мой дар — это козырь. Раскрывать только при крайней необходимости или для решающего удара. Сейчас время сбора информации и накопления сил.

Он откинулся в кресле, сложив пальцы перед собой. Его лицо было бесстрастным, но в позе читалась внезапная собранность. Сканирование прекратилось, он не нашел угрозы.

— Ладно, слушай. Завтра утром поедешь к Багрецовым. Будешь у них пару дней. Они к тебе присмотрятся и если все их устроит, то ты женишься на Ладе Багрецовой.

Я мгновенно проанализировал входящие данные. Брак. Политический альянс. Возможность получить доступ к ресурсам и повысить свой статус.

Старший Нестеров замер, ожидая привычную реакцию — униженного молчания, мольбы, детского протеста, но я лишь слегка кивнул.

— Понятно, — сказал я спокойно. — Каковы условия контракта?

Григорий Вячеславович замер. Неожиданность. Сбой в шаблоне. Его бесстрастная маска на мгновение дрогнула, обнажив чистое, немое изумление. Его пальцы сжали край стола.

— Какие условия? — он произнес это медленно, растягивая слова, будто проверяя их смысл.

— Размер приданого. Мои права и обязанности как зятя в их доме. Условия возможного расторжения договора, — перечислил я без интонации. — Стандартные пункты любого соглашения. Я должен понимать, что подписываю.

В воздухе повисла тяжелая, звенящая тишина. Мое эмпатическое поле уловило сложную гамму ощущений, пришедших на смену апатии. Первоначальный шок. Затем — резкая вспышка подозрения. Он снова, уже в который раз, мысленно проверил результат своего недавнего сканирования.

Уверенность в данных. Отсутствие дара. Отсутствие угрозы. И в тоже время непреложный факт — перед ним стоял не привычный запуганный мальчик, а кто-то другой.

И тогда пришло недоумение, смешанное с профессиональным любопытством. Его разум, когда-то отточенный для анализа врагов и союзников, лихорадочно искал объяснение.

Контузия? Да, падение с лошади могло повредить рассудок, но это не объясняло холодной расчетливости. Притворство? Но столько лет изображать никчемность, чтобы сорвать куш в виде брака с Багрецовой — это сомнительная награда.

И наконец, в его взгляде родилась рабочая гипотеза. Он смотрел на меня и видел не сына, а артефакт. Странный продукт стечения обстоятельств — травмы, отчаяния, врожденного, но ранее не проявлявшегося прагматизма. Сломленный и заново собранный иным образом. Ошибочный, но логичный для него вывод: стресс и унижение последних лет, усугубленные травмой, выковали из его сына нечто новое.

Григорий Вячеславович медленно откинулся в кресле, его пальцы вновь обрели привычную монотонность, перебирая перстень.

— Условия? — он произнес с легкой насмешкой, но в глазах оставалась тень интереса. — Приданое — пять тысяч золотых. Твои обязанности — не позорить имя Нестеровых. Права — будешь жить в их доме на их содержании. О чем еще тут говорить?

Это понятно. Непонятны мотивы.

— Зачем этот брак, отец? И кому он выгоден на самом деле?

Он нахмурился, раздражение мелькнуло в его взгляде.

— Тебе что, объяснять надо? Роду выгоден! Багрецовы дают деньги, мы получаем союзников. Обычная практика.

— Союзников? — я сделал паузу, давая словам больше веса. — Или кредиторов, которые скупят наши долги за бесценок, а меня используют для законности поглощения нашего рода?

Его лицо дрогнуло. Я попал в цель, он не думал об этом, а видел лишь сиюминутное решение проблемы.

— Ты слишком многого о себе возомнил, — прошипел он. — Никчемный отпрыск, а рассуждаешь как...

— Как стратег? — я мягко закончил за него. — Тот, кто смотрит на несколько ходов вперед. Как ты когда-то.

Внезапно в сознании вспыхнуло чужое воспоминание. Яркое, как молния.

...Женский смех, легкий и звонкий. Она, Анна, стоит у камина в этом самом кабинете, ее пальцы нежно поправляют складки на его мундире. «Не горячись, Гриша, — говорит она с любовью. — Сила — это хорошо. Но настоящая победа — когда враг сам разбивается о твое терпение, как волна о скалу. Помни об этом...»

Воспоминание исчезло, оставив после себя горький привкус. Григорий Вячеславович смотрел на меня, и в его глазах читалась неподдельная боль. Он тоже это помнил.

— Не смей... — его голос сорвался на низкий шепот. — Не смей говорить о ней. Ты ничего не понимаешь!

— Я понимаю, что она была мудрее многих, — твердым голосом сказал я. — И я понимаю, что ее нет. Уже десять лет. Я хочу знать, кто ее убил.

Это было уже слишком. Он резко встал, его кресло с грохотом отъехало назад. Апатия испарилась, ее место заняла слепая, кипящая ярость.

— Молчать! — его голос громыхнул, сдирая многолетнюю пыль с книжных полок. — Ты, жалкий выродок, без капли дара, смеешь вопрошать меня? Смеешь говорить о ней? Я тебя сломаю! Я...

Опасность. Активировать «Взгляд орла».

Он занес руку, и я почувствовал, как воздух сгущается. Его воля, дремавшая все эти годы, проснулась — грубая, неотшлифованная, но все еще могущественная. Он собирался применить «Громовой Посох» — технику прямого ментального удара, сфокусированного импульса чистой воли, предназначенный для сокрушения сознания противника. Не для устрашения, чтобы убить.

Я не отступил ни на шаг. «Взгляд орла» уже действовал. Это был мой профессиональный инструмент, техника Алексея Воронцова, оператора Центра психической безопасности. Ментальное сканирование, позволяющий в режиме реального времени видеть структуру психиче-

ской защиты, узоры концентрации воли и, что самое главное, эмоциональные якоря — самые яркие и болезненно значимые воспоминания, вплетенные в ментальный профиль человека.

Мой разум молниеносно просканировал его ментальную стойку, найдя то, что искал — не слабость или страх, а якорь. В его случае — глубочайшее чувство вины и незаживающая боль, связанные с образом погибшей жены. Это был ключ, который мог перенаправить любую его агрессию, обратив ее внутрь.

— Мама бы этого не одобрила, — произнес я абсолютно спокойно, глядя ему прямо в глаза.

Его воля, уже готовая обрушиться на меня, дрогнула. Якорь сработал. Образ Анны, ее слова, ее взгляд — все, что он хранил в глубине души, стало щитом.

— Она верила в силу терпения, — продолжал я, не повышая голоса. — А ты хочешь сломать собственного сына в своем же кабинете. Станешь ли ты от этого великим? Или окончательно превратишься в того, кого она бы презирала?

Он замер. Дрожь прошла по его могучей фигуре. Гнев медленно отступал, сменяясь ледящим душу осознанием. Он смотрел на свою поднятую руку, словно видя ее впервые.

Рука опустилась. Он тяжело дышал, отводя взгляд.

Угроза нейтрализована.

— Убирайся, — прохрипел он, но в его голосе уже не было силы, лишь бесконечная усталость, смешанная со стыдом. — Убирайся...

Я вышел, притворив за собой дверь. В ушах все еще стоял гул от столкновения наших сознаний, но разум работал четко, раскладывая по полочкам полученную информацию.

Эмоциональный срыв Нестерова. Стыд. Слабость. Его реакция была показательной.

Мать убита. Отец виновен. Прямо или косвенно — неважно. Его реакция — чистая, неконтролируемая ярость при вопросе — была признанием. Эта рана, эта вина — его уязвимость. Возможно, ключ к управлению им в будущем.

Брак с Багрецовой. Тактически — выход из изоляции. Доступ к новым ресурсам, связям, информации. Стратегически — потенциальная ловушка. Но любая ловушка становится возможностью, если знать ее механизм.

И тут мысль оформилась в кристально четкий вывод. Брак с Ладой — мой первый плацдарм. Чтобы возглавить систему, нужно сначала стать ее частью. Подняться на самый верх. И для этого мне нужны ресурсы, связи, легитимность. Дом Багрецовых станет моей первой опорой на пути к трону. А их архивы — ключом к пониманию того, как сломать старую элиту.

Хорошо. Тогда новая цель: использовать союз с Багрецовыми как плацдарм, чтобы получить доступ к их архивам, связям, ресурсам. Все остальное — тактические ходы на этом пути.

Чтобы выжить в этой игре и достичь цели, мне нужна информация. Без знаний об этом мире я как слепой котенок. Память Ярослава была дырявым решетом. Непригодна. Обрывки детских воспоминаний, обид, смутных образов. Ничего конкретного, нужен был системный подход.

Библиотека. В каждом таком доме должна быть библиотека.

Я нашел ее через пару поворотов. Высокий зал, заставленный темными дубовыми шкафами. Пахло кожей переплетов и пылью. Я провел здесь несколько часов. Листая военные книги, политические трактаты и подшивки газет «Имперский Вестник». По крупицам, как мозаику, я складывал картину мира.

Я узнал, что очутился в Российской Империи Разума, где основа власти Сила Разума или магия сознания, именуемая Волеведением. Грубая магия стихий здесь презирается аристократией, а высшей ценностью считается Воля. Вся эта сложная система Волеведения держится на семи Узах — энергетических центрах воли, а маги делятся на семь рангов — от Послушника, способного лишь к базовому контролю, до легендарного Вседержителя.

Столица, Москва-Град, защищена Куполом Единой Воли — артефактом, подавляющим ментальный хаос. Империей правит династия Ильиных через «Симфонию Воли» — союз с боярскими Волевыми Домами, но истинная власть принадлежит Тайной Канцелярии Психических Расследований (ТКПР), чьи Инквизиторы Разума следят за соблюдением Ментального Регламента и имеют право на «чистку» сознания.

Империя окружена врагами: на юге Османский Халифат со своей стихийной магией, на западе — враждебные элементаристы, а изнутри ей угрожают потомки изгнанных магов из Теневого Синдиката и вечная аномалия — Дикое Поле Сознания на северо-востоке, порождающая ментальные бури.

Я вышел из библиотеки. Требуется локальная информация. И, следуя смутному указующему чувству, нашел на заднем дворе человека, который чистил сброу. Низкорослый, жилистый, с потухшим взглядом. Тихон. Легенда: амнезия.

Он медленно поднял на меня взгляд.

— Барин. Чего изволите?

— Тихон, — обратился я. — После того падения с лошади... голова не своя. Многое забыл, многое спуталось. Хочу разобраться. Расскажи про Багрецовых. И кто у нас в доме сейчас остался, кроме отца и брата.

Я почувствовал легкий, почти неосознаваемый щуп. Он проверял меня. Я пропустил его, не оказывая сопротивления, демонстрируя открытость.

Конюх с ментальным щупом. Интересно. Не по рангу. Его сканирование было поверхностным, но профессиональным — он искал следы обмана или скрытой угрозы. И он нашел именно то, что я ему подставил: хаотичные обрывки воспоминаний, характерные для настоящей ментальной травмы, и полное отсутствие волевого сопротивления.

Он поверил в амнезию. Или сделал вид, что поверил.

— Багрецовы... — он начал медленно, возвращаясь к чистке и его взгляд стал еще более внимательными, будто он рассматривал новую интересную деталь. — Род старый, землями богаты, но крови в них мало. Магия слабеет. Глава — Гордей Семенович, хитрый старик. Старшие дочери удачно пристроены — Анфиса за самим наместником Уральских рудников, Марфа за главным смотрителем Тайной Канцелярии по нашему региону. Сын, Глеб, карьеру делает в канцелярии Великого Князя.

Он закончил чистку и посмотрел на меня исподлобья.

— А младшая, Лада... тихая девица, говорят, но с характером, последняя невыданная надежда их рода. В доме нашем... кто ж остался-то. Батюшка ваш, братец ваш. Ключница Арина, повар Степан, я и с десятков слуг, что верны дому.

Он говорил, а я слушал и одновременно анализировал его. Его ментальное поле было необычным. Глубоким, структурированным, с признаками серьезной тренировки. Совсем непохоже на грубую силу Владимира. Это была скрытая, отточенная мощь. Интересно.

— Спасибо, — сказал я, когда он закончил. — И еще вопрос. У тебя сильная воля. Откуда?

Его пальцы замерли на коже. Он почувствовала угрозу, его щуп исчез. Он снова посмотрел на меня, и в его глазах вспыхнула острая настороженность, смешанная с любопытством.

— Не твоя это забота, барин, — отрезал он.

Критический момент. Что миг и он полностью закроется.

Я почувствовал в нем что-то знакомое. Запах службы, дисциплины, секретности. Я активировал «Взгляд Орла» на минимальной мощности на тонкое сканирование и поиск якоря.

Мой разум скользнул по поверхности его сознания, не взламывая защиту, а находя микротрещины — места, где боль и страх спрессовались в кристаллы памяти. В одном таком узле я нашел ее — обрывочную фразу, заряженную таким ужасом, что даже время не стерло ее остроту.

Это код. Значение неизвестно. Использовать.

Я посмотрел ему прямо в глаза и произнес ровным, бесстрастным тоном, как констатацию факта:

— Ночной дозор не спит.

Глава 3

Эффект был мгновенным и ошеломляющим. Тихон буквально дернулся всем телом, его лицо побелело. Он смотрел на меня с неподдельным, животным ужасом, который через несколько секунд сменился ледяным пониманием. Он медленно выпрямился, и его поза из сгорбленной и покорной стала собранной, почти воинственной. Его взгляд из потухшего стал острым, сконцентрированным.

— Так... — прошептал он, и в его голосе не осталось и тени слуги. — Ты оттуда.

Он не спрашивал, он констатировал. Эти слова — «Ночной дозор не спит» — были для него паролем. Признаком своего. И он в самом деле признал меня за своего. Что бы это ни значило, это открывало мне двери.

Идентификация. Использовать.

Я смотрел на него — на эту новую осанку, на острый взгляд, на руку, непроизвольно сжатую в кулак, готовую к удару или защите. И все пазлы встали на свои места.

Бывший «чистильщик» Тайной Канцелярии.

Сломленный, спрятавшийся, но не сломленный до конца. Его ментальные навыки, его реакция на пароль... В Канцелярии бывших не бывает. Значит, дезертир. Беглый оперативник, нашедший убежище в имении вырождающегося рода.

Да, он увидел во мне коллегу. Вышестоящего. Присланного его же ведомством. Это была идеальная легенда, свалившаяся мне в руки. Но один неверный шаг, одна неуверенная интонация — и он поймет подлог.

Я медленно кивнул, глядя на него сверху вниз, с холодной отстраненностью начальника, оценивающего провинившегося подчиненного.

— Так и есть, — мои слова прозвучали как приговор. — И теперь ты будешь отвечать на мои вопросы. Полно и честно. Начни с себя. Что случилось? Почему ты здесь?

Тихон замер. В его глазах бушевала внутренняя борьба — страх, ненависть, а главное — привычка подчиняться. Годы дрессировки брали свое.

— Мое настоящее имя — Тихон Игнатьевич Суров, — он выдохнул, и его голос стал ровным, докладным, лишенным всякого простонародного акцента. — Сотрудник Тайной Канцелярии ментальных расследований, отдел «Молот». Специализация — зачистка нестабильных ментальных аномалий и... их носителей.

Он сделал паузу, его взгляд на мгновение стал отсутствующим.

— Последнее задание. Деревня Заречье. Ментальная эпидемия, вызванная прорывом сущности из «Дикого Поля». Приказ — полная санация. Никаких свидетелей. Я... выполнил приказ. Но среди... носителей... была девочка. Лет семи. Она смотрела на меня. И я... не смог.

Он сглотнул, сжимая и разжимая пальцы.

— Я имитировал ее смерть, стер ей память и вывез. Сдал в дальний монастырь. Но Канцелярия... они все узнают. Мне поступил приказ явиться для... психологической коррекции.

Тихон немного помолчал, переживая события заново и продолжил:

— Я понял, что это смерть. И сбежал. Твой отец, Григорий Вячеславович, когда-то давно был мне должен. Он спрятал меня здесь, под видом слуги. И вот я здесь. Уже пять лет.

Он умолк, смотря на меня с вызовом и ожиданием. Он выдал свою самую страшную тайну. Теперь все зависело от моей реакции. От моего «приговора».

Я сохранял маску полного безразличия. Внутри же мозг работал на пределе. Это была не просто исповедь. Это был тест.

Я выдержал паузу, позволяя его признанию повиснуть в воздухе.

Анализ мотивации. Не страх. Расчет. Его история была правдоподобна — слабость, раскаяние, бегство. Но мой эмпатический радар улавливал в его поле холодный, отточенный расчет. Он не просто исповедовался, он зондировал почву, пытаясь понять, с кем имеет дело.

В этот момент я почувствовал его ответный щуп. Глубокое зондирование. Не мешать, пропустить. Тонкий, почти неосязаемый, но невероятно точный и профессиональный. Он попытался проникнуть глубже, прочитать мои истинные намерения. Я не стал ему мешать, пусть пробует. Если выдержит такое.

Он коснулся края моего сознания — и мгновенно отшатнулся, как от раскаленного металла. Его лицо на миг исказилось от шока.

Он столкнулся с абсолютно чуждой для него, структурированной и непостижимо глубокой ментальной архитектурой, которую даже его навыки «чистильщика» не могли не то что взломать, но даже осмыслить.

В его глазах мелькнуло ледящее осознание. Понимание силы. Осознание беспомощности. Он понял, что я не из Канцелярии. И понял, что столкнулся с силой, против которой у него нет шансов.

Я медленно обошел его, и он замер, как под прицелом.

— Ты правильно понял, Суров. Я не из самой Канцелярии, а гораздо выше. — Я остановился, глядя на него сверху вниз. — Ты бежал от системы, которая считает людей расходным материалом.

Я сделал многозначительную паузу.

— А я представляю тех, кто считает, что старые инструменты пора менять. Или перековырять.

Я видел, как в его голове складывается пазл. Моя нечеловеческая сила воли, чуждые ментальные техники, знание его тайны... Все это для него говорило о могущественной, скрытой организации, ведущей свою игру. Для беглого оперативника такая версия была единственным шансом выжить и, возможно, искупить вину.

— Метод внедрения в угасающую кровную линию... — я продолжил понизив голос, — дает доступ к наследственным техникам. Легитимность. Платформу. Ты почувствовал мои навыки. Мы играем в более долгую игру, Суров. И в этой игре я предпочитаю, чтобы опытные люди были на нашей стороне.

Суров не шелохнулся. Он сделал свой выбор. Проглотил наживку не из-за страха, а потому что увидел в этом свой единственный стратегический выход.

Завербован. Использовать.

— Я понимаю, — тихо сказал он, и в его голосе прозвучала готовность к сделке. — Что вы хотите?

— Ты знаешь местные порядки. Ты сохранил навыки. Ярослав Нестеров должен возвыситься. Ты будешь моими глазами, ушами и тенью.

Я сделал паузу, впервые за этот разговор позволив себе внимательно изучить его ментальную архитектуру. До этого я чувствовал лишь общие контуры — скрытую силу, дисциплину.

Но сейчас, с близкого расстояния, мой «Взгляд орла» прочитал нечто иное.

Его воля не просто была скрыта, она отсутствовала. Как будто на его месте стоял ментальный вакуум, идеально имитирующий фон. Я не почувствовал ни единой утечки, ни малейшего всплеска, который выдавал бы тренированного оперативника.

Ничего.

— Странно, — произнес я вслух, глядя на него. — На расстоянии я считал тебя как слугу. Слабый, пульсирующий источник. Сейчас ничего, абсолютный ноль. Ты не блокируешь сканирование, ты абсолютно себя не выдаешь. Как?

Суров медленно кивнул, в его глазах мелькнуло нечто вроде профессиональной гордости.

— Это «Безмолвный шаг» в действии, господин. Не щит, который можно обнаружить, а отсутствие цели.

В голове мгновенно щелкнуло. Я вспомнил тот холодный, безэмоциональный сигнал в комнате на чердаке. Пси-конструкт, который следил за моей схваткой с Владимиром. Если бы я тогда владел этой техникой...

Я резко и глубоко осознал всю стратегическую ценность этой техники. Полная скрытность от сканирования. Невозможность определить источник атак. Свобода разведки. Защита от таких вещей, как пси-конструкт. Возможность подобраться к любой цели. Идеальная маскировка. Тактическая неожиданность. И главный щит против Тайной Канцелярии.

Это меняло все.

Мысль оформилась в кристально ясный тактический протокол. Этот навык был не просто полезен, он был мне жизненно необходим. Прямо сейчас.

— Научи меня, — мой голос прозвучал жестко, без права на отказ. — Сейчас же.

Суров кивнул, его взгляд снова стал рабочим, сосредоточенным. Он увидел в этом первое совместное задание.

— «Безмолвный шаг» — это не маскировка, а растворение, — начал он без предисловий. — Вы не создаете щит, вы понижаете собственный ментальный резонанс до фонового шума. Представьте, что ваша воля — это свет. Вам нужно не спрятать его, а сделать его тусклым. Это... ну как свет далекой звезды, неразличимой на ночном небе.

Мы проработали несколько часов. Он был строгим, безжалостным учителем. Я ловил каждое слово, каждую ментальную схему. Мой разум, отточенный в Центре, схватывал и адаптировал все на лету. Я чувствовал, как мое ментальное поле сжимается, становится плотнее, тише.

Когда солнце склонилось к горизонту, Суров внезапно замолчал. Его лицо стало напряженным.

— Довольно на сегодня, — с тревогой сказал он. — Вы быстро учитесь. Слишком быстро. Ваш прогресс... Он оставляет след. Всплеск. И мое появление здесь, моя активность...

Он мрачно посмотрел на меня.

— Канцелярия давно считает меня мертвым. Но если они почуют, что я жив и работаю... они пришлют за мной не простого инквизитора, они пришлют Тень. И тогда никакой Безмолвный шаг нам не поможет.

Я кивнул, пропуская мимо ушей его предупреждение о Тени. Спрашивать подробности сейчас было бы ошибкой — это выдало бы мое незнание.

— Скрывать следы — твоя работа. А моя — готовиться к завтрашнему визиту к Багрецовым. Отец хочет, чтобы Лада Багрецова вышла за меня замуж. Мне нужна вся информация, чтобы эти смотрины прошли в мою пользу.

Суров коротко кивнул, его взгляд снова стал собранным и аналитическим.

— Гордей Семенович ценит силу, но боится непредсказуемости. Не показывайте весь свой потенциал, но дайте понять, что вы — не тот неудачник, за которого вас считают.

Он немного задумался, оценивая какая информация мне сейчас важнее.

— Лада... Говорят, у нее свой дар, но семья его подавляет. Она внимательна, очень внимательна. Заметит фальшь сразу. Будьте с ней честны настолько, насколько это возможно. И остерегайтесь ее сестер — их мужья имеют большой вес в столице и в Канцелярии. Одна оплошность перед ними, и ваша репутация будет уничтожена.

— Хорошо, — остановил я его. — Пока достаточно. Я выйду на связь, ожидай.

У меня оставалось несколько часов до ужина. Я снова направился в библиотеку. Тихий зал с потемневшими дубовыми стеллажами был идеальным местом для анализа. Мне нужны были не общие знания, а конкретика о Багрецовых и их истинных намерениях.

И тут я вспомнил. В прошлый раз, листая подшивку «Имперского вестника», я мельком заметил небольшую заметку о браке одной из дочерей Багрецовых с наследником обедневшего рода Оболенских. Тогда я не придавал этому значения, но теперь эта деталь обрела новый смысл.

В моем арсенале оперативника Центра психической безопасности был навык, который я еще не применял в этом мире — психометрия в активном режиме. Я мог настроить психометрию на поиск конкретной информации и мое восприятие начинало вычленять нужные данные из хаоса ментальных впечатлений, оставленных на предметах и в локациях.

Мне нужно было проверить одну версию. Я прошел к столу, где лежали подшивки газет, и положил ладони на пожелтевшие страницы. Я закрыл глаза, отсекая все посторонние шумы и сформулировал мысленный запрос: «Брачные союзы Багрецовых. Истинные мотивы. Юридические последствия».

Сначала на меня обрушился хаос — обрывки мыслей прежних читателей, скука переплетчика, мимолетные эмоции. Но я, как опытный криптограф, начал фильтровать этот поток. И постепенно из него стали проступать ментальные следы, оставленные самими событиями, зафиксированными на бумаге.

Я видел вспышки образов. Именитый род Багрецовых породнился с семьей Оболенских. За этими официальными словами я ощутил холодный, расчетливый триумф Гордея Багрецова и отчаяние главы рода Оболенских. Я видел, как юрист Багрецовых с каменным лицом вносит пометки в брачный контракт, и в этих пометках читалась четкая юридическая ловушка.

Я переключился на другую подшивку, ведя пальцами по датам. Скоропостижная кончина молодого князя Оболенского. За этими словами стоял едва уловимый, но ясный для моего восприятия ментальный след — не горе, а удовлетворение. Цель достигнута. И следом — юридический документ о переходе земель и титула к вдове, урожденной Багрецовой.

Я проверил еще три таких случая, в них уже почувствовала не средняя дочь, а ее племянницы. Шаблон был стерильно чистым и абсолютно идентичным. Брак с ослабевшим родом. Юридически безупречный контракт. Быстрая и «естественная» смерть мужа. Поглощение активов.

Тактика Багрецовых была отлаженной машиной по легальному захвату чужих владений. И теперь эта машина была нацелена на дом Нестеровых.

Я отложил подшивки. Теперь я знал правила их игры. Предупрежденный вооружен.

Ужин проходил в главном зале. Длинный стол был накрыт белой скатертью с вышитым фамильным гербом, но сама ткань была старая, с потертостями. Подавали скромно: дымящийся борщ в глиняных мисках, запеченную дичь с кореньями, ржаной хлеб. Обслуживали нас двое слуг — ключница Арина и повар Степан.

Отец, Григорий Вячеславович, сидел во главе стола. Владимир сидел напротив, угрюмо уставившись в свою тарелку.

— Завтра, Ярослав, — произнес отец, откладывая ложку, — прямо с утра поедешь к Багрецовым. Распорядись приготовить карету. Если все сделаешь как надо, то сыграешь свадьбу с Ладой.

Слово «свадьба» повисло в воздухе. Я молча кивнул, а Владимир резко поднял голову, его лицо исказила гримаса злобы.

— Свадьба? Его? — прошипел он. — Почему он, а не я? Я старший сын! Или ты решил женить того, кого все считают выродком?

— Молчи, — холодно оборвал его отец. — Для тебя я есть невесты получше — дочь волынских князей или племянница наместника Урала. Твой брак должен укрепить наше влияние.

Старший Нестров бросил на меня короткий взгляд и продолжил:

— А Ярослав сойдет для Багрецовых. Они давно мечтают привить свою вырождающуюся кровь к сильному роду, пусть даже через младшего сына. Другие на бездарного никогда не

согласятся, а Багрецовым именно такой и нужен — управляемый, без амбиций, который не будет мешать их делам. А нам — хорошее приданое и связи.

Я отпил воды из глиняного кубка, поставил его на стол с отчетливым стуком. Это привлекло их внимание, они повернули голову в мою сторону.

— Вы оба ошибаетесь в исходных данных, — произнес я ровным, лишенным эмоций голосом. — Отец, ты отправляешь на заклятие не управляемого бездаря. Ты отправляешь единственного человека в этом доме, кто способен провести выгодные для нашего рода переговоры с Багрецовыми.

Я отставил кубок, не обращая внимания на их недоуменные взгляды.

— В библиотеке я проанализировал газетные заметки. Багрецовы четыре раза заключали браки своих родственников с ослабевшими родами. И все разы эти рода теряли земли и титулы в течение нескольких лет по законным основаниям.

Я внимательно посмотрел на них и продолжил вкладывая энергию Уз в свои слова:

— Они планируют не союз, а поглощение. Через слабого зятя получают доступ к нашим землям и титулу. Мой несчастный случай через пару лет — и все перейдет к ним по закону.

Я перевел взгляд на побледневшего отца.

— Но это лишь первый слой. Сопоставив даты, я выявил закономерность: каждый раз перед крупными политическими процессами в Империи они активизируют такие браки. Их главная цель — наши архивы. Старые долги, договоры с Канцелярией, компромат на другие Дома. Через меня они получают легальный доступ ко всем нашим секретам. Наш род для них — расходный материал в большой игре против их настоящих врагов.

Владимир вскочил, опрокинув стул.

— Ты?! Что ты можешь? Ты — пустота!

— Пустота, — я повторил его слово, не повышая голоса, — которую ты не смог победить. Пустота, перед которой отступил твой «Громовой Посох».

Я снова посмотрел на отца, старший брат мне был сейчас не интересен.

— Этот брак — операция по спасению нашего рода. И я единственный, способный ее провести. Запомните это оба. От исхода моей поездки завтра зависит, будет ли у нашего рода вообще какое-либо будущее. Будет ли у тебя, Владимир, хоть какая-то невеста. И сможешь ли ты, отец, смотреть в глаза предкам, не краснея от стыда.

Владимир сжал кулаки, но промолчал, лицо его побагровело. Я почувствовал, как его ненависть и зависть разгораются с новой силой, и в этом огне явно просматривался чужой, искусный след. Значит, ментальная закладка, которую я уничтожил, была не единственной. Разбираться с этим сейчас было некогда.

Отец не сказал ни слова. Он просто смотрел на меня, и в его потухших глазах что-то шевельнулось — тяжелое, неохотное осознание. Он молча взял свою ложку и снова принялся за еду. Похоже, это было его молчаливым признанием моей правоты.

Ужин завершился в гнетущем молчании. Я встал из-за стола, чувствуя на себе взгляд отца — уже без прежнего презрения, а взвешивающий, и горящий взор брата.

Я доел и вернулся в свою комнату на чердаке. До сна нужно еще кое-что сделать. Я сел на жесткую кровать, скрестив ноги, и погрузился в глубокую медитацию. Провести полную инвентаризацию.

Я закрыл глаза и обратил сознание внутрь себя. Первое, что я ощутил, это те самые семь энергетических центров, Уз, о которых читал в книгах. В моем старом мире ничего подобного не было. Наша сила была производной чистого сознания, воли и тренировки. Здесь же она была привязана к конкретным точкам в теле.

Я мысленно прошел по ним, от нижней Узы, отвечающей за волю к выживанию, до верхней, что должна была связывать с миром. Они горели тускло, как угольки. Запас энергии был

невелик, что объясняло быстрое истощение в стычке с Владимиром. Но качество этой энергии... Оно было иным. Более плотным, более послушным для структурирования.

Я начал со своего навыка защиты «Кокон». В моем исполнении это была не грубая защитная стена, а многослойная ментальная матрица. Я воссоздал ее вокруг себя, слой за слоем. Внешний «Шум» искажал любое внешнее сканирование. Среднее «Зеркало» было настроено на отражение атак. Внутренний «Абсолют» блокировал прямое внушение. Я чувствовал, как местная магия, Волеведение, идеально ложится в эту схему, делая ее даже более эффективной, чем в моем мире. Здесь, где все было построено на воле, мои техники обретали новую силу.

Затем я протестировал «Шепот». Тончайшую иглу внушения. В пустоте комнаты не было цели, но я мог ощутить саму технику. С Владимиром она сработала хорошо.

«Молот»... Сконцентрированный удар воли. Я не стал применять его в полную силу, лишь собрал сгусток энергии на ладони. Воздух над кожей затрепетал, заискрился. Да, это работало. И работало мощно.

И наконец, я попытался воссоздать «Хоровод». Технику группового сознания. Но как только я начал выстраивать сложную ментальную сеть, голова тут же отозвалась резкой болью, а Узы просигналили перегрузкой. Не хватает мощности. Пока что. Эта техника оставалась моим козырем, но разыграть его я смогу лишь в критический момент и ценой огромного напряжения.

Последним я проанализировал свои уникальные навыки. «Эмпатический радар» и «Взгляд Орла». Они не требовали отдельной активации, работая как продолжение моего восприятия. Но здесь, в этом мире, насыщенном ментальной энергией, они стали острее. В связке с «Профайлингом» это давало мгновенный психологический портрет цели: я видел не только сиюминутные эмоции, но и глубинные слабости, страхи, скрытые мотивы. Это было мощнее любого зондирования.

Я также мысленно отметил два других ключевых умения. «Санитар» — способность входить в сознание и проводить «чистку». В моем старом мире это означало работу с пси-вирусами и ментальными заражениями. Здесь же это оказалось идеальным инструментом против чужеродного влияния.

Принцип тот же: найти инородную ментальную структуру, изолировать ее и аккуратно «выжечь», минимизируя ущерб для носителя. Именно так я уничтожил первую закладку в сознании Владимира — не грубым ударом, а точечным вмешательством.

Плюс «Психометрия» в активном режиме, которую я только что применил в библиотеке для считывания ментальных следов с архивов.

Но самым ценным приобретением стал «Безмолвный Шаг», которому научил меня Тихон. Я посвятил его отработке все оставшееся время.

Техника Сурова была гениальной в своей простоте. Правильное слово для нее — растворение. Я учился понижать собственный ментальный резонанс, сводя его к фоновому шуму, к тихому шепоту, который тонул в общем гуле мира. Сначала получалось неуклюже, всплески воли выдавали меня, но с каждым разом я мог удерживать состояние тишины все дольше. Это был фундамент, на котором я должен был построить все свое пребывание в этом мире.

Когда первые лучи солнца упали на пол моей комнаты, я открыл глаза. Я был готов. Физически истощен, но ментально собран. Арсенал был проверен, слабые места изучены, тактика выстроена. Оставалось только применить все это на практике.

У входа меня ждал скромный экипаж — простая, но крепкая карета, запряженная парой выносливых лошадей.

Дорога до имения Багрецовых заняла несколько часов. Я провел их в молчаливой медитации, отработывая «Безмолвный шаг» до автоматизма, сводя свое ментальное присутствие к абсолютному минимуму.

Имение Багрецовых предстало перед нами как огромный комплекс из белого камня. Не постройка, а крепость. Высокие стены, остроконечные башни, массивные ворота. Оно дышало

богатством и уверенностью, которая давно покинула дом Нестеровых. Здесь чувствовалась сила традиций, денег и связей.

Нас встретил ворот старший дворецкий — сухопарый высокий мужчина с холодными глазами.

— Ярослав Нестеров? — произнес он с безупречным, но безразличным поклоном. — Вас ожидают. Пожалуйста.

Я уверенным шагом зашел в приготовленную для меня ловушку.

Глава 4

Меня провели через череду строгих, богатых залов. В воздухе витал запах старого камня и воска. Каждая деталь, от массивных дубовых панелей до лаконичной бронзовой фурнитуры, говорила о силе и богатстве. Выставляют напоказ. Классическая демонстрация статуса.

Мое эмпатическое поле, сжатое в тугую клубок техники ментального скрывания «Безмолвный шаг», регистрировало фоновый ментальный гул усадьбы, уверенный и спокойный, несущий отпечаток многовекового владычества.

Дворецкий остановился перед высокими двустворчатыми дверьми из темного дерева.
— Господин Багрецов ждет вас в кабинете.

Двери бесшумно распахнулись. Кабинет оказался просторным помещением с высоким потолком, он больше походил на операционный зал, чем на личные покои.

У камина из черного мрамора стояли трое.

И первое, что обрушилось на меня — тяжелый, безмолвный зонд старшего Багрецова. Целенаправленный и плотный поток чужой воли, который проигнорировал все поверхностные слои сознания и сразу устремился вглубь, вглубь, к самому фундаменту, к тому, что было зашито в крови и клетках. Сканирует гены.

Тактика. Позволить генетическому сканированию состояться. Стратегия: показать ровно столько, сколько они хотят увидеть – спящий потенциал, пригодный для использования.

Я сделал несколько шагов, остановился на точно выверенной дистанции и ослабил «Безмолвный шаг» на глубинном, клеточном уровне. Я позволил его зонду коснуться энергетического каркаса этого тела, его врожденного потенциала Уз. Пусть он увидит спящий, но мощный фундамент. Этого хватит, чтобы признать меня годным к ассимиляции.

Решение: сыграть роль ценного актива. Дать им уверенность, что они контролируют ситуацию. Это лучшая маскировка.

Лишь после этого, отведя часть внимания на поддержание контролируемой утечки, я позволил себе оценить Багрецовых.

Гордей Семенович Багрецов. Он был чуть ниже меня ростом, но гораздо шире и массивнее. Глубоко посаженные серые глаза цвета мокрого камня смотрели на меня с холодным, безразличным любопытством ученого, рассматривающего букашку под микроскопом. На нем был темно-бордовый кафтан из плотного бархата, на его мощных пальцах я насчитал три перстня с крупными, темными камнями.

Его воля ощущалась как монолит. И сейчас этот монолит излучал тончайший, невероятно сфокусированный луч. Он не просто оценивал мою силу, он пытался прочесть саму мою наследственную память, пробудить и каталогизировать генетический потенциал, заложенный в крови Нестеровых.

Агриппина Петровна стояла рядом с мужем, ее поза была образцом аристократической выдержки. Худошавая, с ледяной, почти неестественной красотой, которую не скрывали ни легкие морщины у глаз, ни строгий пучок седеющих волос. Ее платье глубокого синего цвета было сшито из тяжелого шелка, его высокий воротник и длинные рукава скрывали все, кроме кистей рук с длинными, острыми пальцами.

Ее ментальное поле было подобно узору из ледяных шипов. Пока ее муж сканировал кровь, она сканировала мою социальную оболочку. Взгляд Агриппины Петровны, холодный и пронзительный, скользнул по моему скромному кафтану, и я буквально почувствовал, как он проводит безжалостный анализ качества сукна, аккуратности швов, всего, что могло выдать бедность или дурной вкус. Я был для нее потенциальным пятном, которое следовало либо отчистить, либо выбросить.

И Лада. Она стояла чуть поодаль, у самого камина, словно стараясь затеряться в тени родителей и в складках тяжелых портьер. Воспоминания Ярослава нарисовали образ тихой, бледной девицы, но реальность оказалась иной.

Ее платье скромного песочного цвета было простым, но мягко очерчивало стройный стан. Темные волосы, убранные в ненавязчивый узел, оттеняли белоснежную кожу. Но главное — глаза: большие, цвета весеннего неба, в которых светился живой, пронзительный ум. Осанка была безупречной, в каждом движении ощущалась скрытая грация.

Меня на мгновение пронзило что-то острое и давно забытое — смутное осознание ее внутренней и внешней гармонии. Но я тут же опомнился. Эмоции — это уязвимость. Работаем дальше. Анализ внутреннего состояния.

А вот это интересно. Ее ментальное присутствие казалось запертым — словно родник, заключенный в гранит. Я ощутил огромный потенциал, сдавленный невидимыми оковами. И в глубине ее сознания теплился приглушенный, но подлинный интерес, направленный на меня. Однако за этим интересом таилось нечто иное — неестественное, звенящее спокойствие, за которым угадывалась опасность иного порядка. Природу этой опасности я пока не мог определить.

— Ну, вот и наш гость, — раздался низкий, нарочито медленный голос Гордея Семеновича. Он не сделал ни шага навстречу. — Подойди поближе, Ярослав Григорьевич. Давно не виделись.

— Гордей Семенович. Агриппина Петровна. Благодарю за приглашение в ваш дом, — мой голос прозвучал ровно, без подобострастия и вызова.

Собственное достоинство. Никакого страха. Я слегка склонил голову в сторону Лады.

— Лада Гордеевна, — ей отдельное приветствие. Она – не часть мебели, пусть запомнит.

В глазах Гордея Семеновича мелькнуло молчаливое удовлетворение от полученных данных. Его сканирование встретило то, что он искал. Его каменное лицо не дрогнуло, но я почувствовал, как ментальное давление его зонда ослабло. Первый тест пройден. Принят в качестве биоматериала. Пока все штатно.

— Не за что благодарить, — отозвалась Агриппина Петровна. Ее голос был тонким и мелодичным, каждое слово было похоже на отточенный кинжал. — Мы всегда рады гостям. Особенно из таких древних родов, как Нестеровы. Надеюсь, дорога не слишком утомила тебя. Выглядишь немного бледным. Не заболел ли?

Первый укол. Проверка на слабость. Стандартно.

— Благодарю за беспокойство. Дорога была спокойной, а свежий воздух лишь прояснил мысли. — Я позволил себе легкую, едва заметную улыбку.

Игнорирую скрытый смысл, демонстрирую невозмутимость.

— Ваше имение производит сильное впечатление. Чувствуется рука мастера, ценящего прочность и порядок.

Возвращаю комплимент, но с акцентом на их же ценности. Показываю, что понимаю их язык.

— Порядок — основа всего, — согласился старший Багрецов. — Без порядка рухнет и самый сильный род. Как, увы, мы иногда видим на примерах других.

А это уже прямой выпад. Проверка на прочность. Ждут, что прогнусь.

— Совершенно верно, — парировал я, глядя ему прямо в глаза. Не отвожу взгляд. Контратака. — Именно поэтому так важно отличать временный упадок от необратимого вырождения. Первое можно исправить волей и умом. Со вторым уже ничего не поделаешь.

Ставлю их в тупик. Они ждали оправданий, а получили анализ и моя роль сразу поменялась с обороняющегося на оценивающего.

Агрипина Петровна едва слышно ахнула. Мой ответ был на грани дерзости, но формально безупречен. Я не защищался, я атаковал, ставя под сомнение саму возможность вырождения и намекая на их собственные страхи. Есть попадание.

Гордей Семенович медленно кивнул, его пальцы постучали по ручке кресла. Принял ответ. Перегруппировка.

— Умные слова. Неожиданно умные, — он перевел взгляд на дочь. — Лада, проводи нашего гостя в сад. Покажи розы. Пока мы с матерью обсудим хозяйственные вопросы.

Меня отстраняют. Хотят обсудить первые впечатления без меня. Ладу используют как инструмент для дальнейшего зондирования.

Лада молча подняла голову. Наши взгляды встретились. Ее глаза были проникающими, в них шла глубокая, скрытая работа мысли. Она анализирует меня так же, как я ее.

В тот миг я заметил мгновенное переключение в ее взгляде — от живой заинтересованности к абсолютной, почти механической отстраненности и обратно. Оно было такое быстрое, что я даже подумал, что мне показалось. Что это, сбой в программе? Или осознанное переключение между масками?

Это вызвало во мне профессиональную настороженность. Вывод: Лада — либо жертва, либо самый опасный игрок в этой комнате. Требуется точечное сканирование при первой возможности.

— Пожалуйста, пройдемте, Ярослав Григорьевич, — ее голос прозвучал тихо и четко, без девичьей робости. Голос контролера. Идет выполнять приказ.

Она двинулась к выходу, и я последовал за ней, чувствуя на спине два тяжелых, изучающих взгляда ее родителей. Обсудят тактику. Решат, как подступить ко мне дальше. Первый раунд окончился. Генетическая экспертиза прошла успешно для их планов. Они убедились, что актив обладает ценностью. Теперь им предстояло выяснить, можно ли этот актив контролировать. А я тем временем изучу их главный инструмент контроля — их дочь.

Мы вышли в сад, оставив за спиной тяжелые дубовые двери. Воздух, наполненный запахом свежескошенной травы и роз, показался неестественно сладким после каменной стерильности кабинета.

Лада шла впереди, ее платье мягко шуршало по гравийной дорожке. Она не произносила ни слова, и я не торопил события, давая ей возможность проявить инициативу и одновременно обрабатывая полученные данные.

Выводы. Генетическое сканирование. Это многое объясняло. Багрецовы, с их маниакальной одержимостью чистотой крови и родовой памятью, не могли просто принять в свой род кого попало. Даже в качестве расходного материала.

Им требовалась гарантия, что моя кровь, кровь Нестеровых, обладает достаточным потенциалом, чтобы оправдать риск смешения. Они вынуждены были проверять качество генетического материала перед покупкой. Фанатики своей расы. Это делает их предсказуемыми, но и более опасными.

Мой расчет оказался верным. Позволив Гордею Семеновичу ощутить спящий, но мощный фундамент этого тела, я дал им именно то, что они хотели найти. Не угрозу, не аномалию, а ценный актив, нуждающийся лишь в правильном применении.

Теперь их интерес ко мне изменился. Из подозрительного пустоцвета я превратился для них в перспективный, хотя и непонятный, гибрид. Это открывало пространство для маневра.

Решение. Нужно управлять их ожиданиями. Не показывать всей силы, но и не выглядеть слабым. Золотая середина.

Дальше. Лада. Сейчас удобный момент, чтобы разобраться с тем эпизодом, когда ее взгляд на миллисекунду внезапно стал пустым и отстраненным, будто кто-то выключил свет внутри. Что это было? Кратковременная потеря контроля? Или переключение между режимами? Выглядело все как будто в ней было два оператора.

Под защитой “Безшумного шага” я активировал свой навык ментального сканирования “Взгляд орла”, позволяющий видеть структуру психической защиты, узоры концентрации воли и эмоциональные якоря.

Результат: сознание Лады — единое. Не было признаков ментальной закладки, чужеродного внедрения или второго оператора, который бы перехватывал управление. Не было и швов, характерных для сращивания двух разных сущностей.

Требуется более глубокое сканирование. Необходимость действовать скрытно сильно ограничивала мои возможности. Отложить.

Лада остановилась у беседки, увитой плющом, и обернулась ко мне. Ее взгляд был все так же спокоен и проницателен.

— Вам здесь тесно, — произнесла она, и это была констатация факта. — Как дикому орлу в клетке. Я понимаю это чувство.

Ее слова поразили своей точностью. Она не просто повторяла заученные фразы, она видела суть. Проницательность выше ожиданий. Либо она исключительно наблюдательна, либо чувствует совершенно иначе. Не сканирует, а считывает на другом уровне. Возможно, ее дар, как и предупреждал Тихон. Учсть.

— Клетки бывают разными, — ответил я, глядя на высокие стены имения. — Одни из камня, другие из ожиданий и условностей.

— И те, и другие одинаково прочны, — тихо сказала она. — Просто сломать каменную стену проще. От условностей нельзя отмахнуться мечом.

Верно. Но можно перепрограммировать тех, кто эти условности устанавливает. Она села на каменную скамью в беседке и жестом пригласила меня присоединиться.

— Мой отец считает вас удобным решением. Мать видит угрозу репутации. А что вы думаете о себе, Ярослав Григорьевич?

Проверка. Открытый вопрос, чтобы оценить мою самоидентификацию и амбиции.

Отвечать уклончиво, но с намеком на силу. Пусть гадают.

Я занял место напротив, сохраняя дистанцию.

— Я думаю, что удобные решения часто оказываются самыми опасными. А репутация, как тень, всегда следует за настоящей силой.

— Вы не похожи на того, о ком мне рассказывали. Не похожи на человека, который мог упасть с лошади во время пьяного загула.

— Люди меняются, Лада. Иногда для этого достаточно сильного толчка.

— Или удара по голове? — в ее голосе прозвучала легкая ирония.

— Или удара по голове. Это помогает прояснить многие вещи.

Мы помолчали несколько мгновений, слушая шелест листьев. Ее присутствие было удивительно спокойным. В отличие от других, она не пыталась сканировать мое сознание, не давила волей. Она просто наблюдала. Она исследователь. И, возможно, испытуемая.

— Вы знаете, зачем вы сюда приехали? — наконец спросила она.

— Ваш отец видит в этом браке возможность укрепить связи между нашими родами.

— А вы? — ее вопрос прозвучал тихо, но настойчиво. — Что видите вы?

Я встретился с ее взглядом. Впервые за этот разговор я позволил себе быть полностью честным. Риск. Но расчетливый. Похоже, что она предложит союз. Нужно дать ей понять, что я тоже вижу истинную игру.

— Я вижу шахматную партию, где нас обоих расставили в качестве пешек. Но я не привык быть пешкой, Лада.

В ее глазах на мгновение вспыхнуло понимание. Затем лицо вновь превратилось в маску вежливой отстраненности. Она медленно кивнула.

Реакция положительная. Контакт установлен. Она подтвердила мою догадку.

— Тогда, возможно, нам стоит научиться двигаться по доске самостоятельно. Хотя бы для начала понять ее разметку.

Она наклонилась чуть ближе, ее голос стал едва слышным.

— Мой отец ведет двойную игру. Его настоящая цель — ваши знания Волеведения. И архивы. Компромат на его союзников и врагов.

Так. Прямое предупреждение. Раскрытие тактики противника. Это уже не просто намек, это предложение коалиции.

— Почему вы говорите мне это?

— Потому что я тоже устала быть пешкой, — ее пальцы сжали складки платья. — И потому что вижу в вас человека, который может изменить правила игры.

Мотивация ясна. Отчаяние и расчет. Она ищет инструмент для своего освобождения. Я могу им стать, но на своих условиях. Я не стал отвечать. Лада поднялась со скамейки.

— Пойдемте, я покажу вам наш сад. У отца есть привычка наблюдать за гостями из окон кабинета. Лучше, чтобы он видел, что мы следуем его указаниям.

Ее слова, произнесенные с тихой, недетской грустью, отозвались во мне не только аналитическим интересом. В ее взгляде, в самой ее позе была странная, притягательная хрупкость, смешанная с неочевидной силой. На мгновение я почувствовал нечто, идущее вразрез с моим оперативным протоколом — спонтанное, чисто мужское желание быть ближе, разгадать эту загадку не как тактическую цель, а как женщину.

Я мгновенно подавил этот импульс, отсек его, как сбой в программе. Эмоциональный резонанс с памятью тела. Прежний Ярослав был молод и впечатлителен. Его неопытность и гормональный фон создают помехи. Игнорировать.

Решение. Принять ее произнесенное предложение о союзе. Она — мой источник информации внутри вражеского стана. Но помнить о ее двойственной природе. Доверять, но проверять. Всегда.

Я последовал за ней, и мы снова зашагали по дорожкам. Но теперь между нами возникло нечто новое — молчаливое понимание двух людей, оказавшихся в одной клетке.

Мы вернулись в дом как раз к началу обеда. Столовая встретила нас тем же подчеркнутым, лишенным души богатством. Длинный стол был накрыт с безупречно, но атмосфера оставалась ледяной. Идеальная картинка, выверенная до миллиметра. Как и они сами. Ни одной живой эмоции, только расчет.

Меня провели на место, и вскоре появились остальные члены семьи.

Вслед за Гордеем, Агриппиной и Ладой в зал вошел еще один мужчина. Он был строен и подтянут, одет в строгий кафтан с нашивками канцелярии Великого Князя. Его взгляд, упрямый и хмурый, сразу же уставился на меня с немим вызовом.

— А это наш Глеб, — голос Агриппины прозвучал сладко и горделиво, но в нем слышалось напряжение. — Сын и гордость семьи. Делает карьеру в канцелярии Великого Князя. Глебушка, это Ярослав Нестеров.

Мой эмпатический радар сработал мгновенно. Его ментальное поле было грубым, плотным, как неотшлифованный камень. Кипящая ярость от того, что его заставили присутствовать на этом смотре. Глубинное, тщательно скрываемое чувство неполноценности на фоне отца. И главное — жгучее презрение ко мне, как к чему-то низшему, кто осмелился претендовать на внимание его семьи. Не стратег, как отец, и не интриган, как мать. Солдат. Опасный своей прямолинейной агрессией.

Глеб лишь коротко, без приветствия, кивнул, его пальцы сжались в кулаки. Да, он точно был тем, кто предпочел бы решать вопросы кулаками, а не словами. Еще одна переменная в уравнении. Более простая, но не менее опасная.

Я встретил его взгляд спокойно, не опуская глаз, и отвесил небольшой, вежливый поклон — ровно настолько, чтобы соблюсти формальность, но не выказать ни страха, ни подобострастия. Пусть кипит.

Обед начался в тягостной тишине, прерываемой лишь звоном приборов. Лада сидела напротив, она смотрела вниз не поднимая глаз. Но я чувствовал ее внимание, осторожное и непрерывное. Сканирует. Постоянно. Но не как они. Она как будто чувствует меня сразу всем сознанием — что-то вроде моего эмпатического радара, но совершенно другого качества и другой природы. Будто ищет что-то знакомое в чужом лагере.

Агриппина Петровна нарушила молчание, отложив ложку.

— Надеюсь, прогулка была приятной, — произнесла она, и ее слова повисли в воздухе, словно обледеневшие иглы. — Наш сад — гордость семьи. Мы тщательно следим за чистотой линий и сортов. Посторонние элементы у нас не приживаются.

Ее взгляд скользнул по моему кафтану, и я понял, что речь не о розах. Прямой намек. Проверка реакции. Ждут оправданий, слабости.

— В ухоженном саду даже скромный цветок может найти свое место, — парировал я. — Главное — крепкие корни.

Пусть тратят силы на расшифровку.

В этот момент Глеб, сидевший рядом со мной, фыркнул.

— Слыхал, тебя в Академии проверяли, Нестеров, — произнес он и я тут-же почувствовал грубый ментальный удар. — Говорят, кристалл так и не зажегся. Безвольный ты. Нулевого уровня. А теперь отец прочит тебя в мужья к Ладе. И мне интересно, что перевесит — воля отца или природа?

Глава 5

Его ментальный даже не удар, а толчок был совершенно не сфокусирован, но оказался довольно силен.

Тем не менее «Безмолвный шаг» — техника, сводящая мое ментальное присутствие к фоновому шуму, — поглотил его без единой ряби. А вот это интересно. Техника беглого работника Тайной Канцелярии работает даже против прямых ударов.

— Природа редко ошибается, — ответил я, поворачиваясь к нему. — Но она часто скрывает свои дары от нетерпеливых глаз.

Глеб нахмурился, явно ожидавший другой реакции. В этот момент от Лады донесся едва уловимый всплеск — холодный, острый импульс, мгновенно погашенный. Моя внутренняя аналитика зафиксировала аномалию: это была не эмоция и не атака. Я на долю секунды замер, пытаясь классифицировать феномен.

Что это? Словно что-то дернулось изнутри против ее воли. Артефакт? Чужеродная программа? Требуется изучения.

Агрипина Петровна уловила мое замешательство. Ее губы тронула легкая улыбка.

— Что-то случилось, Ярослав Григорьевич? Вы выглядите растерянным.

Попала в цель. Но признавать это нельзя.

— Просто задумался о природе вещей, — ответил я, возвращая себе полный контроль. — О том, как внешняя форма часто маскирует суть. И ваша дочь — прямое тому доказательство.

Обед продолжался в том же духе. Легкие уколы, притворная забота, постоянное испытание на прочность. Я парировал все атаки с холодной вежливостью, не давая им ни единого шанса. Лада почти не участвовала в разговоре, но я чувствовал ее взгляд на себе те странные, мгновенные всплески, которые появлялись и гасли в ее поле.

Они били по накатанной. Стандартный набор давления. Но Лада... она была как дикая карта. И поэтому — главный интерес и, возможно, главная угроза.

Когда обед подошел к концу, Гордей Семенович откинулся на спинку стула.

— Тебе нужно отдохнуть с дороги, — произнес он, и это прозвучало как приказ. — Лада, проводи гостя в его комнату.

Первая фаза завершена. Их разведка боем не дала результатов. Теперь будут наблюдать.

Комната, отведенная мне, оказалась такой же строгой и безличной, как и все в этом доме. Как только дверь закрылась, я провел быстрый визуальный и ментальный осмотр. Ничего подозрительного. Значит, пока не решаются на прямое вмешательство. Или их средства слежения тоньше.

Я позволил себе выдохнуть. Напряжение, которое я держал все это время, было колоссальным. «Безмолвный шаг» — техника для скрытия своей ментальной силы — требовала тотальной концентрации. А вчерашняя бессонная ночь, ушедшая на ее отработку, давала о себе знать тяжестью в висках. Держать Шаг постоянно было все равно, что нести на плечах невероятно тяжелый груз.

Дальнейшая эффективность зависела от способности к восстановлению. Я сел на жесткую кровать, скрестил ноги и закрыл глаза. И сразу активировал протокол мгновенного расслабления — гибрид аутогенной тренировки и техник глубокой медитации, отточенный за годы службы.

Мое сознание, как сканер, прошло по внутренней карте тела. Лоб — расслаблен. Челюсть — разжата. Плечи — опущены. Диафрагма — дыхание ровное и глубокое. Я мысленно отключил каждую зажатую мышцу, сбросил ментальный мусор — обрывки диалогов, аналитические цепочки.

Я не спал, но мое тело и большая часть разума погрузились в состояние, близкое к анабиозу, восстанавливая ресурсы. «Безмолвный шаг» при этом я поддерживал на минимальном, фоновом уровне, достаточном для маскировки от несильного сканирования.

Ровно через десять минут по внутреннему хронометру я открыл глаза. Четкость вернулась, тяжесть отступила. Я был снова в боевой форме. Тело слушалось гораздо лучше, разум снова стал острым.

Пришло время тактического планирования. Обед подтвердил мои догадки. Багрецовы — хищники, их тактика предсказуема. Лада — аномалия, требующая изучения. Но все это было фоном для главной цели.

Подняться на самый верх Империи.

Для этого требуются ресурсы. Знания, артефакты, доступ к сложным ментальным конструкциям.

Пути поиска вырисовывались два, и оба проходили через людей.

Первый. Родовые архивы Волевых Домов. И в первую очередь Багрецовых. Старый и богатый род должен был хранить не только долговые расписки, но и эзотерические знания. Получить к ним доступ через официальные каналы — утопия. А Лада... Она может стать ключом. Ее странная двойственность, ее скрытый потенциал делали ее единственным членом семьи, который мог либо помочь изнутри, либо неосознанно раскрыть нужную информацию.

Моя задача — приблизиться, изучить и использовать этот канал. Ее предупреждение и эти ее сбои были признаком внутреннего конфликта, а конфликтующими сторонами всегда можно манипулировать.

Второй способ поиска — Тайная Канцелярия. Если где и могли сохраниться могущественные знания, так это в их засекреченных хранилищах.

Тихон мог стать билетом в эту систему. Бывший оперативник, он знал процедуры и уязвимости, а возможно, сохранил и контакты. Его нужно было вербовать глубже — превратить из испуганного дезертира в активного агента. Его страх перед Тенью был рычагом: только могущественный покровитель (каким я для него и выглядел) мог гарантировать ему безопасность.

Я встал с кровати и подошел к окну. Замок Багрецовых был не просто домом — он был крепостью, полной ловушек и секретов. Но любая крепость имеет слабые точки.

Моя стратегия осталась прежней: использовать предложенный ими брак как легальный плацдарм. Параллельно вести две операции: «Ключ» (вербовка и изучение Лады) и «Архив» (внедрение в сети Тихона для доступа к Канцелярии).

В дверь постучали. Тихий, почти неслышимый стук. Не слуга, слуги стучат увереннее. Я открыл и увидел Ладу с кувшином в руках.

— Мать велела передать вам морс, — сказала она, ее голос был ровным, а взгляд пустым, будто она говорила заученные слова. — Чтобы вы чувствовали себя как дома.

Ложь. Это ее личная инициатива. Чувствую микродрожь в поле. Любопытство? Или приманка?

Она протянула кувшин. Ее пальцы едва коснулись моей руки, и в этот миг я ощутил легчайшее прикосновение чужой воли. Тончайший шуп, пытавшийся проскользнуть сквозь мою защиту. Это был не грубый нажим, каким пользовался Глеб, а изящная, почти невесомая игла.

Вот оно. Настоящий тест. Остальное было прелюдией.

«Безмолвный шаг» сработал безупречно. Ее шуп наткнулся на абсолютную пустоту и отступил. Лада не дрогнула, не изменилась в лице. Она лишь слегка наклонила голову.

Профессионально. Не подала вида. Но я почувствовал ее мгновенное разочарование. Она искала что-то конкретное.

— Спасибо, — ответил я, принимая кувшин. — Передайте вашей матери мою благодарность за заботу.

Игра продолжается. Теперь я знаю — она действует не только по приказу. У нее явно есть свой интерес.

Она молча развернулась и ушла; ее шаги беззвучно скользили по ковровой дорожке.

Я закрыл дверь и поставил кувшин на стол. Не буду пить. Риск отравления или ментального реагента минимален, но ненулевой.

Я оставался в комнате до самого ужина, поддерживая «Безмолвный шаг» и анализируя полученные данные. Их тактика была ясна — постоянное, многоуровневое давление. Ядовитые иглы Агриппины, генетическое сканирование Гордея и теперь этот тонкий зонд Лады.

Они проверяли меня со всех сторон, ища малейшую трещину. Их система не может классифицировать угрозу, поэтому бьют по всем каналам. Моя задача — оставаться черным ящиком. Непредсказуемым.

Когда слуга пришел проводить меня к ужину, я был готов. Первая часть дня закончилась вничью. Теперь предстояла главная битва.

Ужин проходил в той же столовой, но атмосфера сгущалась с каждой минутой. Я поддерживал «Безмолвный шаг», но знал, что пассивной маскировки будет недостаточно. Они переходят в наступление. Чувствую сгущение воли вокруг. Это не проверка, это штурм.

Когда Гордей Семенович отпил из фужера и посмотрел на меня, я почувствовал первый, пробный импульс. Не грубый, но невероятно плотный. Он искал не слабость, а точку входа для подчинения. Это «Печать Рода» — подсказала мне память прежнего Ярослава. Пытаются наложить ментальное клеймо. Сделать вассалом в своей системе.

Активировать «Кокон» — мой основной протокол ментальной защиты, многослойный щит. Первым делом я развернул внешний слой — «Шум». Он создавал вокруг моего сознания хаотичные вибрации, искажающие и рассеивающие любые попытки сканирования.

Импульс Гордея заблудился в этом шуме, не сумев зацепиться. Но давление не ослабевало. Мой первый слой защиты его пока держит. Но это только начало. Он разогревается.

— Союз наших домов должен быть крепким, — произнес Гордей Семенович, и его слова обрели вес. — Основанным на взаимном понимании и... единстве воли.

Его атака усилилась, превратившись в штурм. «Печать рода» — техника ментального подчинения — давила на мое сознание, пытаясь найти брешь. Сильнее, чем я ожидал. Старик сохранил мощь. Нельзя держаться только на «Шуме».

Углубить «Кокон». Средний слой — «Зеркало». Переход на второй слой требовал колоссальной концентрации. «Шум» стабилизировался, а за ним возник отражающий барьер, предназначенный для отражения направленных ментальных атак обратно на атакующего.

Давление Гордея, встретив идеальную поверхность, частично развернулось и ушло в него самого. Он едва заметно вздрогнул, его пальцы сжали край стола. В его глазах мелькнуло изумление.

Попало. Хорошо.

Я сохранял маску полного спокойствия, словно гладь озера, не дрогнувшая от брошенного в нее камня. Поднес бокал к губам, сделал небольшой глоток, глядя на Гордея поверх края стекла. Ни единой мышцы на моем лице не дрогнуло, ни один мускул не выдал чудовищного напряжения, с которым мой «Кокон» парировал его штурм.

Для него эта картина должна была быть полной загадкой, и я видел, как в его глазах, поверх изумления, медленно поднимается буря недоумения и аналитической ярости.

Он не видел противника. В этом был главный секрет.

«Безмолвный шаг» делал мое ментальное присутствие призраком, фоновым шумом, в котором тонули любые попытки нащупать опору для его «Печати». Он давил не на волю, а на пустоту, которая странным образом не поддавалась и к тому же отвечала уколом отраженной силы.

Его разум, отточенный в традиционных школах Волеведения, искал знакомый почерк — грубую силу Орловых, изощренность Вольнских, что-то узнаваемое. Но мой «Кокон» был чужеродной технологией, чистой, безэмоциональной механикой, лишенной родового кода. Это сбивало с толку, ломало шаблоны.

А еще на руку мне играло его предубеждение. Годы абсолютной уверенности в том, что Ярослав — пустота, бездарь, создавали в его сознании непреодолимый барьер. Проще было предположить некую причудливую, пассивную особенность моей психики, «дурную наследственность» вырождающегося рода, чем в один миг признать, что перед ним человек, чья ментальная техника превосходит его собственную.

Гордей Семенович медленно поставил бокал. Его пальцы сжали ножку так, что костяшки побелели. Его взгляд, тяжелый и пристальный, как свинец, впивался в меня, пытаюсь разгадать загадку. Он анализировал.

И пока он анализировал, я видел, как в глубине его глаз растет не просто подозрение, а та самая, знакомая мне по прошлой жизни, профессиональная жадность получить этот необъяснимый феномен.

Именно в этот момент Глеб, видя замешательство отца и мою непоколебимую, как ему казалось, наглость, не выдержал. Его собственное, более грубое и прямое поле ярости, и без того клокотавшее на пределе, рванулось вперед, сметая осторожность.

Его грубая ментальная дубина обрушилась на мой средний слой защиты «Зеркало». Удар был огромной силы, но не очень концентрированным. «Зеркало» выдержало, отбросив часть энергии обратно. Глеб ахнул и откинулся на спинку стула, на мгновение ослепленный собственным натиском.

И тогда в бой вступила Агриппина Петровна. Ее атака была иной — бесчисленные тонкие щупы. Память прежнего владельца снова выдала мне название ее техники — видимо, это были теоретические знания Ярослава из Волеведения. Мать Лады применила «Цепи повиновения». Они не ломали защиту, а пытались обойти ее, чтобы опутать мою волю.

Тактика роя. Изматывать, находить слабину. Профессионально. Почти как в Центре.

И вдруг — холодный укол в периферии сознания. Снова появился тот самый следящий сигнал, пси-конструкт. Как тогда при атаке Владимира. Призрачный наблюдатель, висящий в энергетическом эфире. Его никто не заметил, кроме меня.

И кроме Лады. Она резко напряглась, ее взгляд метнулся в пустой угол выше меня, пальцы непроизвольно сжались. Интересно. Она чувствует его. А другие нет. Запомнить, спросить позже.

Но вот что еще интереснее — следящий контур не видел меня. Безшумный шаг работал, делая мое психическое присутствие невидимой для его сенсоров. Но теперь мне пришлось отвести еще часть сознания на дополнительное постоянное экранирование от этого незваного гостя, держа его в буферной зоне, где его «взгляд» скользил мимо, не задерживаясь.

Гордей Семенович и Глеб ударили снова. Но теперь по-другому. Их атаки слились в единый, изощренный тандем, использующий саму суть их магии Крови.

Гордей не стал бить снова техникой ментального подчинения. Вместо этого я почувствовал, как его воля просочилась сквозь «Зеркало» не для подчинения, а для анализа. Он применил «Кровавое заклятье» (память Ярослава мне опять вытолкнула название техники в мое сознание), но не на меня напрямую — у него не было моей крови.

Он использовал его на... самом себе.

Он принудительно ускорил собственный метаболизм, сжег часть жизненной силы, чтобы многократно усилить следующую атаку. И этот усиленный импульс был направлен теперь не на мой щит, а в пространство вокруг меня. Он создал зону чудовищного ментального давления, сжимающую мое поле сознания, пытаюсь раздавить его, как прессом.

Одновременно Глеб, видя маневр отца, он обрушил на меня технику «Резонанс». Его удар тоже был нацелен не в мое «Зеркало», а в сам воздух вокруг меня, в стол, в пол под моими ногами. Он вызвал вибрации, которые передавались на физическое тело, сотрясая кости, сбивая дыхание, нарушая кровоток.

Мое «Зеркало», идеальное против ментальных атак, было беспомощно против этой физиологической диверсии. Мое тело затряслось, концентрация дрогнула. А «Цепи» Агриппины в это время обвивались вокруг моей воли, как лианы, пользуясь малейшей слабостью.

Комбинированная атака. Гордей жертвует ресурсами, создавая область высокого давления. Глеб бьет по физическому носителю, пытаясь сорвать концентрацию. Агриппина ловит момент для захвата. Профессионально. "Зеркало" не отражает это. Оно парирует направленные ментальные импульсы, а не физические вибрации и не зональное давление.

Тройное давление становилось невыносимым.

Голова раскалывалась от боли, и сквозь это ментальное месиво до меня дошла страшная ясность.

Так. Действуют вместе. Синхронно. Это не спонтанная вспышка гнева. Это спланированная операция. Они договорились. Заранее. Сломать меня или подчинить — любой из исходов их устраивал, но оставлять меня в текущем состоянии, непознанным и неуправляемым, они не могли.

Они видят во мне угрозу своей системе контроля. Аномалию, которую нельзя предсказать. И потому — подлежащую уничтожению или реформатированию.

Ставки были запредельно высоки — я понимал это предельно ясно. Если их совместный натиск прорвет мою оборону, это будет не просто поражение. Мощь, которая в этом случае обрушится на меня будет подобна прорыву плотины — она снесет все на своем пути. И тогда мое сознание, не защищенное «Кокон», будет либо полностью стерто, превратив меня в овощ, либо необратимо повреждено. Смерть была бы милосерднее.

Этого не будет.

Максимальное углубление. Активировать внутренний слой — «Абсолют». Мой последний рубеж ментальной защиты «Кокон». Экстремально энергозатратный, он не отражал атаки, а полностью блокировал любые удары, прямое внушение и попытки подчинения воли, создавая вокруг моего ядра сознания непроницаемую сферу.

Это требовало невозможного. Я собрал всю свою волю, каждую крупинку силы, доставшейся от Ясеня, и продавил себя, заставив «Кокон» трансформироваться. «Зеркало» схлопнулось, уступив место «Абсолюту».

На какое-то время воцарилась зыбкая, хрупкая стабильность. «Абсолют» выдержал. Он был подобен идеально отполированной сфере из адаманта, внутрь которой не проникало ничего. Ни тяжесть Тени Гордея, ни ядовитые щупы Агриппины, ни физические вибрации Глеба.

Я сидел недвижимо, с бесстрастным лицом, поднося ко рту кусок дичи и пережевывая его с видимым спокойствием. Внутри же бушевал ад.

Каждая клетка моего тела кричала от перенапряжения. Семь Уз, энергетических центров, пылали ослепительным, болезненным огнем, выжигая последние резервы. Голова была раскаленным шаром, в котором пульсировала одна-единственная мысль — держать удар. Держать!

Гордей Семенович, чье лицо покрылось мелкими каплями пота от перегрузки «Кровавым Заклятьем», сузил глаза. Он понял, что полумеры не работают. Он сменил тактику. Давление его Тени исчезло, но вместо этого я почувствовал нечто иное, куда более страшное и прямое.

Он применил «Проклятье Вырождения». Это была не атака на сознание или тело, а на саму жизненную силу, на магический потенциал. Он перестал пытаться пробить «Абсолют»,

он стал истощать его, ускоряя мою ментальную смерть, мое выгорание. Я почувствовал, как моя воля, моя энергия начали таять с пугающей скоростью, уходя как песок через пальцы.

Глеб, видя это, перешел в состояние «Гнева титана». Его глаза налились кровью, мышцы вздулись. Он перестал быть тактиком. Он стал стихией. Его «Разрушительный Резонанс» превратился в сплошную, бешеную волну, бьющую в мою защиту с иррациональной, звериной силой.

Агрипина же, в свою очередь, усилила свои «Цепи». Они стали тоньше, острее, ядовитее. Они искали малейшую брешь в моей концентрации, любую микротрещину, чтобы впиться и довести дело до конца.

Я чувствовал, как «Абсолют» под давлением внешнего пресса стал терять свою идеальную форму. На его поверхности возникали и гасли микротрещины, которые моя воля тут же латала, тратя на это драгоценные крупницы силы. Я балансировал на лезвии бритвы. Один неверный вдох, одно мимолетное ослабление концентрации — и все рухнет.

«Абсолют» трещал на самом ментальном уровне. Он был на грани. Я видел его, свою последнюю крепость, покрывающуюся паутиной сколов. Но он держался. Они не могли понять, как я еще стою. Я и сам не понимал. Это была чистая воля. Воля Ясеня, не желавшего сдаваться.

И в этот момент я почувствовал его — тот самый холодный, безэмоциональный психоконструкт, что наблюдал за схваткой с Владимиром. Вот теперь он заметил меня. «Безмолвный шаг» и экранирование «Кокона» ослабли под невыносимым давлением, и моя воля, пусть и искаженная, просочилась наружу достаточно для него, чтобы зафиксировать мое присутствие. Я зафиксировал этот факт отстраненно. Все ресурсы уходили на удержание щита и они таяли с каждой секундой.

Еще совсем немного и они его продавят. Я просто не выдержу энергетически осаду, если она продлится хоть еще немного.

Контратаковать. «Молот». Сейчас.

Но это конец. Я выдам себя полностью. Никакого брака, никакого доступа к архивам Багрецовых, никакого серьезного статуса для пути наверх. Они уничтожат меня как явную, неуправляемую угрозу. Ключ к возвышению моего рода зависел от того, пройду я эту проверку или нет.

Применить технику внушения «Шепот»? Бесполезно. Техника требует точечного внедрения, хирургической точности. А сейчас на меня обрушился ментальный ураган. Попытаться усилить в Гордее тщеславие или в Глебе — ярость? Это все равно что пытаться прошептать что-то человеку, стоящему в эпицентре взрыва. Их собственные атаки, их сфокусированная воля создавали непробиваемый шумовой фон. «Шепот» просто потерялся бы, не достигнув цели. Оставался только «Молот». Грубая, сокрушительная сила, которая буквально прокричит Багрецовым о моей истинной природе.

Выход один. Держаться. Я ДОЛЖЕН держаться.

И тогда это случилось.

Со стороны Лады, до сих пор бывшей лишь тихим фоном, рванула слепая ментальная волна. Не атака, не защита — рефлекс спящего хищника, хаотичный, неуправляемый выброс чудовищной силы.

Она ударила прямо в мой последний рубеж, в и без того готовый рухнуть «Абсолют».

Это был удар в спину.

Глава 6

Последний рубеж моей защиты «Абсолют», никогда раньше не подводивший меня, начал рассыпаться, получив критические повреждения от чудовищного удара.

Боль. Острая, всепоглощающая. Чувство, будто тебя вывернули наизнанку. Полное опустошение. Каждая клетка тела кричала от перегрузки.

Всё. Вчетвером они все-таки пробили мою защиту.

Почти теряя сознание и заваливаясь на бок, быстро погружаясь в накатывающую черноту, я увидел Ладу. С абсолютно белым, испуганным лицом она сидела, сгорбившись, ее пальцы судорожно вцепились в скатерть.

Отступить. Сохранить ядро. Легенда — перегрузка сознания.

Мое тело упало на пол, глаза закатылись, дыхание стало прерывистым и поверхностным. Внешне — ментальный коллапс.

Внутри же — адская работа на максимальной скорости и пределе возможностей. Сквозь туман боли я перенаправил остатки энергии сломанной ментальной защиты «Абсолют», создав иллюзию перегруженной, но целой системы. И тут же выставил «Шум» и «Безмолвный шаг» на максимум. Только теперь это была не защита, а мимикрия под аномалию, которая не сломалась, а ушла в глухую защиту от перегрузки.

Я создал иллюзию заблокированного ядра. Ментальный сбой, система временно отключилась, сохраняя целостность.

И самое главное — я пропустил их удары внутрь. Давление старшего Багрецова, эту чудовищную тяжесть я каким-то непостижимым образом в последний момент сумел перенаправить, подтолкнуть не в волевою Узу, а в сеть энергетических каналов. Боль стала невыносимой. Но этот как бы жгут пережал раны каналов и замедлил утечку энергии.

Одновременно, другой частью сознания, я провалил Цепи Агреппины прямо к самым ярким, самым жалким воспоминаниям прежнего Ярослава. Унижения. Страх. Боль от падения. Смотрите. Наслаждайтесь. Вот он, мой позор. Дымовая завеса из чужих кошмаров.

Самым сложным оказалось погасить энергию Глеба. После прорыва защиты его удар оказался самым страшным.

«Разрушительный резонанс». Он бил не по разуму. По телу. По костям. По легким. Я не отразил его, лишь слегка погасил. Не смог, не хватило ресурсов. Судороги выкрутили мышцы. Хрип вырвался из горла. Мир поплыл. Хорошо, теперь физическая боль стала частью легенды по моей ментальной перегрузке.

Мой Безшумный шаг и Шум дрогнули, лишившись сознательной подпитки. Огромным усилием воли я успел всю свою физическую боль вывести вибрациями на периферию сознания, создав дополнительную маскировку.

Задыхаясь от удара Глеба, я провел, как проводник, волю Багрецовых, их сканирующие импульсы в то, что они считали моим сознанием.

Входите. Осматривайтесь. Убедитесь — система цела, но в режиме сохранения.

И они нашли именно то, что я им показал: следы моего «дара» — не как уничтоженную аномалию, а как перегруженную, но стабильную структуру, ушедшую в автономный режим. Они нашли не пустоту, а глухую защиту. Не отсутствие воли, а ее концентрацию на выживании. Угрозы для них не было, но и полного контроля — тоже.

А я, настоящее мое ядро, в этот момент перераспределился. Сконцентрировал волю в самой глубинной Узе как стабильное ядро в режиме энергосбережения.

Сквозь нарастающий гул в ушах и всепоглощающую боль донеслись обрывки их голосов, будто из другого конца длинного туннеля.

— Довольно! — громыхнул голос Гордея. — Он нам нужен живым! Целым! Ты что, не понимаешь?!

— Да я его сейчас! — это рычал Глеб, его ярость билась, как пойманная в клетку птица. — Он посмел! Я его...

— Глеб! — это был уже ледяной, режущий голос Агриппины. — Отойди! Сейчас же! Ты только все испортишь.

Их воля отступила.

Я лежал в неестественной позе, чувствуя, как по моему лицу скатываются капли. Пот? Слезы? Неважно. Важно было то, что их щупы ушли, унося с собой нужную мне картину. Картину тяжелого, но обратимого повреждения. Сложного механизма, вставшего на аварийную блокировку.

Тишина. Сначала ментальная, а потом и физическая. Ее нарушил ледяной, усталый голос Гордея Семеновича.

— Ну что, юноша, прочувствовал всю тяжесть настоящей силы? — в его голосе звучало не столько торжество, сколько глубокая, почти физическая усталость от затраченных усилий. Он тяжело дышал. — Жаль. В тебе был потенциал. Но разбитый сосуд не склеить.

— Еще как склеить, — парировала Агриппина, ее голос был сладким и ядовитым, как испорченный мед. — Главное — правильно подобрать клей. И чтобы осколки знали свое место. Теперь он наш. Окончательно.

— Надо добить эту сволочь! — прошипел Глеб. Я чувствовал, как бурлит его ярость, не находя выхода. — Он дерзил нам! Я его...

— Твоя грубость чуть все не испортила, — Гордей резко обрезал его. — Уберите его. В гостевые покои. И чтобы лекарь посмотрел. Мне нужен точный диагноз.

Прикосновения чьих-то рук. Меня подняли. Я не сопротивлялся, позволив телу безвольно повиснуть. Сквозь прищуренные ресницы я видел размытые пятна лиц. Агриппина с холодным, удовлетворенным безразличием. Глеб — все еще с пылающими от ярости щеками. Лады уже не было в комнате.

Меня понесли по бесконечным, как мне казалось, коридорам. Каждый шаг несших меня слуг отдавался в висках новой пульсацией. Физическая боль от удара Глеба была вполне реальной. Ребра ныли, в легких стоял вкус крови. В этом был свой плюс, это придавало моей легенде правдоподобия.

Меня бросили на жесткую кровать. Дверь закрылась и я остался один.

Только теперь, в тишине и одиночестве, я позволил себе по-настоящему оценить ущерб.

Это было похоже на то, как если бы после взрыва в доме остался стоять один-единственный шкаф, а вокруг — лишь груды щебня. Последний, самый мощный рубеж моей ментальной обороны «Абсолют» лежал в руинах. Восстанавливать его придется с самого начала.

Энергетические каналы, которые я сжал ударом Гордея, теперь горели огнем, требуя срочного ремонта. А воспоминания, которые я подставил под щупы Агриппины, висели в сознании оголенными проводами.

Но ядро было цело. Не тронут. Спрятано. Операция «Выживание» завершена. Результат: они не узнали. Это хорошо.

Пришел лекарь. Старый, с мозолистыми руками, от которых пахло травами. Он повертел мою голову, приподнял веки, посветил в зрачки тусклым магическим кристаллом.

— Удар... сокрушительный, — пробормотал он, поцокивая языком. — Каналы пережаты, воля в спазме. Но ядро... цело. Странно. Очень странно. Обычно после такого...

Он ушел, что-то негромко бормоча себе под нос о «живучести Нестеровых» и «ничего похожего в книгах Волеведения». Книги Волеведения! Вот что мне нужно срочно найти. У отца они точно должны быть.

Лекарь вернулся с молчаливой женщиной в простом платье. Они вдвоем туго перевязали мне ребра, смазали виски липкой, дурно пахнущей мазью, влили в горло что-то горькое. Я проглотил, не подавая признаков сознания. Лекарство было какое-то странное, оно действовало как слабое снотворное. Я почувствовал, как тело наливается тяжестью.

Когда они ушли, я позволил себе отключиться, выставив Шум и Шаг на автоматический минимальный режим. Требовалось хотя бы минимальное восстановление. Да и выпитое лекарство оказалось не таким уж и слабым, я провалился в сон очень быстро.

Шум сработал как внутренняя сигнализация, резким всплеском активности выдернув меня из забытья. Кто-то был рядом. Я мгновенно усилил и Шум, и Безмолвный Шаг до максимума, оставаясь неподвижным, и лишь затем медленно открыл глаза.

Надо мной, в полумраке комнаты, стояли Агриппина и Гордей. Как давно они здесь?

Мое эмпатическое поле, работавшее на пределе тонкости, уловило их состояние без малейшего сканирования. Они были довольны. Глубоко, основательно довольны. Странно, как будто актеры переигрывают. Или я чего-то не учел?

От Гордея исходило тяжелое, почти отеческое удовлетворение, смешанное с холодным любопытством. От Агриппины — сладковатая волна презрительного торжества. Они смотрели на меня как на сложный механизм, который наконец-то удалось сломать и собрать заново, в нужной им конфигурации.

Я приподнялся на кровати, изобразив слабость и дезориентацию.

— Прощу прощения... , — мой голос прозвучал тихо и хрипло. Я еще напряг мышцы и мне удалось сесть. — Похоже, я потерял сознание. Последнее, что помню... у нас был ужин.

Агриппина и Гордей переглянулись. Я не смог точно прочитать, что было за этими взглядами. Похоже на недоумение. Удивлены, что я так быстро оклемался?

Их щупы тут же облепили меня. Грубые, наглые, не встречающие сопротивления. Они скользили по поверхности, по тому, что я им позволил увидеть — по «заблокированному ядру» и хаотичным обрывкам на периферии. Я сидел с пустым, слегка растерянным выражением лица, глядя на них.

Гордей Семенович первым нарушил молчание, его губы тронула едва заметная улыбка.

— Ничего страшного. С каждым может случиться. Мы просто проводили... проверку. Ты не выдержал, но это ничего. Воля — штука коварная. Особенно когда она дремлет глубоко внутри.

Он многозначительно посмотрел на меня, и в его взгляде читалось непоколебимое убеждение, что он нашел и усмирил эту спящую силу. Старший Багрецов сделал паузу, давая словам нужный вес.

— Зато теперь мы уверены. Ты нам полностью подходишь.

Я выдохнул, чувствуя зашкаливающие эмоции радости. Отголоски старого хозяина. Лишнее. Погасить на три четверти, не полностью, нужно показать что я рад. Я посмотрел на Гордея Семеновича, кивнул и слегка улыбнулся.

Свадьба будет. Хорошо. Я на миг опустил взгляд, делая вид, что разглядываю складки одеяла, скрывая работу аналитического ума.

Внутренний анализ. Операция «Смотрины».

Тактический результат: Провал. Выведен из строя. Защита прорвана, получены тяжелые повреждения.

Стратегический результат: Успех. Противник уверен в своем полном контроле. Почти получен официальный статус жениха. Легальный доступ к ресурсам и архивам Багрецовых обеспечен. Платформа для дальнейших действий создана.

Если не брать в расчет мои серьезные повреждения, то все идет по плану. Вернее, план адаптирован под новые условия. Угрозы: необходимость поддерживать легенду о «подавлен-

ной воле»; непредсказуемый фактор Лады; необходимость срочного восстановления боеспособности.

Решение: Этап «Выживание» завершен. Переход к этапу «Интеграция». Задачи: играть роль покорного жениха, ускоренная реабилитация, активное изучение документов и возможностей своего рода, сканирование архива Багрецовых через Ладу, вербовка Тихона для доступа к данным Канцелярии.

Я поднял взгляд на Гордея, вложив в него тень подобострастной благодарности.

— Я понимаю. Благодарю вас за... проверку. Теперь я вижу, сколько мне еще предстоит научиться, — я слегка наклонил голову, изображая покорного ученика, получившего урок.

Агриппина кивнула, ее тонкие пальцы поправили складки платья.

— Мы очень за тебя переживали, Ярослав Григорьевич. И Лада... — она сделала небольшую, театральную паузу, — бедная девочка, просто места себе не находила. Все плакала, не могла успокоиться. Так переживала за тебя.

Я опустил взгляд, изображая смущение и легкую неловкость.

— Прошу передать ей мои извинения, если я напугал ее своим... недомоганием. Я и сам не понимаю, что произошло. Одно мгновение — я за столом, следующее — уже здесь.

Агриппина кивнула, ее тонкие пальцы поправили складки платья.

— Завтра утром ты поедешь домой. Сообщишь отцу, что мы согласны связать наши роды, — она улыбалась, и в ее улыбке не было ни капли тепла.

Так. Информация подтверждена. Операция прошла успешно.

Дверь приоткрылась и в комнату робко вошла Лада. Она встала рядом с родителями, испуганная, с огромными глазами, в которых читалась и надежда, что я не отвернусь от нее, и животный страх, что я понял, что это она нанесла решающий удар. Ее пальцы теребили край платья.

Вот она, союзница и предательница в одном теле. Та, которая сломала мою защиту и чуть не погубила меня.

Я встретился с ней взглядом и сделал то, что должен был сделать сломленный, но благодарный жених. Я послал ей слабую, обнадеживающую улыбку. Тактический ход. Она ценный актив, ключ к архивам, и ее лояльность нужно сохранить, несмотря ни на что.

Ее лицо просветлело, страх в глазах сменился облегчением. Гордей и Агриппина обменялись довольными взглядами. В их картине мира все сложилось идеально.

— Отдыхай, — заключил Гордей, разворачиваясь к выходу и увлекая за собой жену и дочь. — Завтра тебе предстоит важный день.

Дверь закрылась. Я остался один. Боль все еще грызла тело, ментальные руины требовали внимания. Я лег на кровать и широко, победно улыбнулся. Я сделал это! Мой шеф был бы доволен.

Истощение накрыло меня черной волной. В забытии ко мне пришли сны. Вернее, один сон. Лада стояла прямо напротив меня в саду Багрецовых, освещенная лунным светом, и смотрела на меня без тени страха. Ее пальцы коснулись моего лица, и это прикосновение было так реально, что от этого сжалось все внутри. Она что-то говорила, но я не слышал слов, лишь чувствовал манящий гул ее голоса, обещание чего-то запретного, какой-то тайны, что спрятана в ней.

Проснулся я с сухостью во рту. Ментальный шум. Отголоски дня. Игнорировать.

Утром меня позвали на завтрак. Лада сидела напротив. На ней было платье нежного лавандового оттенка, подчеркивающее бледность ее кожи и серебристый блеск волос. Она была молчалива, сидела опустив глаза, но иногда ее взгляд поднимался и встречался с моим. Посыл этих быстрых взглядов я никак не мог классифицировать.

На секунду я поймал себя на том, что смотрю на нее не как на стратегический актив или источник угрозы, а просто как на девушку. Очень привлекательную девушку. Я тут же погасил эту мысль, отсекая ее как несанкционированную и тактически бесполезную.

Гордей Семенович произнес несколько напутственных слов о великом будущем наших родов. Агриппина Петровна улыбалась своей ледяной улыбкой. Глеб бросал на меня звериные взгляды, но молчал, подчиняясь воле отца. А я играл свою роль — немного ослабленного, благодарного, покорного судьбе.

Перед самым окончанием трапезы Гордей Семенович жестом подозвал дворецкого и тот подал ему небольшой конверт из плотной желтоватой бумаги, запечатанный сургучом с фамильной печатью Багрецовых.

— Передай это своему отцу, — протянул он мне письмо через стол. — Лично в руки. В нем наши условия по браку. Пусть ознакомится и даст ответ. Карета ждет тебя внизу.

Я взял конверт, почувствовав под пальцами шершавую бумагу и гладкий, твердый сургуч. Я кивнул, не задавая лишних вопросов, и положил его во внутренний карман.

Вежливо поклонившись, я вышел из столовой и спустился по лестнице вниз.

У подъезда меня ждала карета Багрецовых — закрытая, темно-зеленого цвета, с массивными колесами и фамильным гербом на дверце. Дворецкий отрыл мне дверь, я сел на мягкое кожаное сиденье и откинулся на спинку. Дверца захлопнулась и карета тронулась, увозя меня от белокаменной крепости Багрецовых.

Я прикрыл глаза. Пришло время для тактического планирования.

Этап «Выживание» завершен. Начинается этап «Интеграция».

Первое. Ускоренная реабилитация. Восстановить «Абсолют», свой энергетический и волевой потенциалы.

Второе. Активное изучение возможностей своего рода. Получить доступ к семейным архивам и, самое главное, книгам Волеведения.

Третье. Вербовка Тихона для доступа к данным Канцелярии. Его знания об их внутренней кухне бесценны. Нужно превратить его из напуганного беглеца в активного агента.

Усадьба встретила меня привычным запустением, у входа меня встретил брат Владимир. Он стоял на крыльце, прислонившись к косяку, и ухмылялся.

— Ну что, женишок вернулся? — с неприязнью сказал он, едва я ступил на ступеньки. — Рассказывай, как тебя там ломали. Надеюсь, хорошо постарались.

Опасности нет, провоцирует. Игнорировать, беречь энергию. Я прошел мимо, не удостоив его взглядом. Его ментальное поле, все еще опутанное остатками чужеродных программ, било током мелкой, беспомощной злобы.

— Отец ждет тебя в кабинете, — бросил он мне вслед с плохо скрытой досадой.

Интересно. Отец ждал. Это было ново.

Я прошел в кабинет. Григорий Вячеславович стоял у окна, спиной ко мне. Он обернулся, и я увидел в его глазах сильный интерес и нетерпение.

— Ну?

— Я все сделал как надо, — отрапортовал я ровным голосом. — Багрецовы согласны на брак.

Его лицо озарила редкая улыбка, больше похожая на гримасу удовлетворения. Он коротко кивнул, оценивающе глядя на меня.

— Наконец-то от тебя хоть какая-то польза.

Игнорировать укол. Пререкания нецелесообразны. Мне нужен доступ к архивам.

Я достал из внутреннего кармана кафтана плотный желтоватый конверт, от которого все еще тянуло слабым запахом сургуча.

— От Багрецовых, — сказал я и передал конверт отцу. — Условия брака.

Тот молча взял письмо, грубо сломал печать и развернул лист. Его глаза быстро пробежали по строчкам. Сначала его лицо было сосредоточенным, но чем дальше он читал, тем выше у него поднимались брови. Он не дочитал до конца, резко поднял на меня взгляд — удивленный, как будто увидел меня с новой стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.